

София Ливен

**Духовное
пробуждение
В
РОССИИ**

София Ливен

**ДУХОВНОЕ
ПРОБУЖДЕНИЕ
В РОССИИ**

София Ливен

**ДУХОВНОЕ
ПРОБУЖДЕНИЕ
В РОССИИ**

Ливен С.

Духовное пробуждение в России. – Биографическая повесть. –
К.: Свет на Востоке, 2016. 128 с. Издание четвертое.

ISBN 978-3-944772-22-6

Изд. № 01.161

ISBN 978-3-944772-22-6

© «Свет на Востоке», 1967, 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этих воспоминаний, София Павловна Ливен, во время одного из своих путешествий была призвана Господом от этой временной жизни в вечные обители. На её надгробной плите в Корнтале близ Штуттгарта (Германия) высечено пасхальное приветствие: «Христос воскрес!»

О деяниях воскресшего Господа среди народов России и в жизни отдельных людей Ливен свидетельствует в ясной и увлекательной форме. Автор, сама пережившая духовное возрождение, видела действие Духа Святого в жизни многих людей.

Да пробудит это повествование у читателей искание Бога Живого и да не успокоятся они до тех пор, пока не познают блаженной уверенности в спасении во Христе.

И пусть в этом поможет им эта книга, личное свидетельство верующей души, Софии Павловны Ливен.

Г. Бранденбург

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Введение	8
Начало духовного пробуждения и лорд Редсток	11
Церковь и проповедь Евангелия в конце XIX века	14
Первые обращения	16
Дом Пашкова	19
Исцеление бесноватой	21
История человека в маске	25
Свидетельство бывшего нигилиста	29
Рост евангельского движения	33
Цыганка в тюремной больнице	39
Духовная литература	45
Общественная деятельность верующих	47
Столкновение с представителями православия	54
Рост церкви и гонения	57
Жизнь в изгнании	63
Мои родители	68

Иностранные гости. Некоторые сотрудники	70
Верность преследуемых	76
Братья по вере	84
Страдальцы за веру	87
Сёстры во Христе	95
И. С. Проханов и община	101
Указ о свободе совести	106
Работа среди девушек	109
Работа среди студентов	117
Заключение	123

Введение

Много раз меня просили написать о началах евангельского движения в России, так как я осталась одна из немногих в живых, связанных с этой эпохой, и могу рассказать об этом благословенном времени. При всей готовности исполнить эту просьбу, я сознаю недостаточность своих воспоминаний и потому прошу заранее простить меня за их неполноту.

Родилась я, когда движение это уже началось, и первые годы его протекли в моей ранней молодости. В детстве мало обращаешь внимания на важные происшествия. Всё же рассказы старших, моих родственников, запечатлелись в моём сердце и оставили в памяти ясное представление о том, как русское общество настойчиво искало Христа как своего личного Господа и Спасителя. Позже мне было дано и самой принять участие в русском евангельском движении, а потому я имею смелость написать о том, что помню.

Прежде чем приступить к описанию этого пробуждения, я хочу ещё нечто вставить. Было это в двадцатых годах нынешнего столетия (1920-е годы. – Ред.). Пропаганда безбожников была в полном ходу. В наше село приехал докладчик, безбожник, для борьбы с религией. Намечен был целый ряд митингов, в том числе один, направленный исключительно против евангельских христиан. На этот специальный диспут пригласили и нас, членов местной общины евангельских христиан – с тем, чтобы мы имели случай ответить на речь докладчика. Нам как бы предла-

гали исполнить завет нашего учителя Христа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всему творению».

Такой случай невозможно было пропустить, а потому в назначенный вечер я оказалась на террасе бывшего дома моей тётки, рядом с «товарищем Х.», борцом против веры. Перед нами на лугу сидели на скамейках ряды слушателей, к которым я обратилась со словом. Докладчик поднял вопрос: кем, собственно, являются евангельские христиане и откуда они взялись?

Я сказала, что во все времена христианства появлялись такие группы верующих, хотя и носившие различные названия, имевшие целью вернуться к первоисточнику, и ставили основанием своей веры Христа. Нас вначале называли редстокистами, затем пашковцами, в Прибалтике нас считали баптистами, и затем мы стали называться евангельскими христианами. Но дело не в названии. В Евангелии от Иоанна сказано: «Кто хочет творить волю Его (то есть Бога), тот узнает об этом учении, от Бога ли оно, или Я (Христос) Сам от Себя говорю». Обратившись к докладчику, я сказала: «Если вы, гражданин Х., действительно ищете блага и добра, то вы, не сознавая того, ищете Бога, так как истинное благо только в Нём, и, творя благо, вы поймёте, откуда исходит учение евангельских христиан».

Это и теперь остаётся моим убеждением. Евангельское движение в России, о котором мне предстоит писать, не было делом рук человеческих или осуществлением плана какой бы то ни было миссии. Здесь было действие Духа Божьего в сердце одного человека. Бог призвал его, и он послушался.

Начало духовного пробуждения и лорд Редсток

Для большей ясности мне придётся обратиться к 60-м годам прошлого столетия (1860-е годы. – Ред.). В то время в Англии началось сильное пробуждение веры, захватившее прежде всего верхушку английского общества. Одним из отозвавшихся на этот зов Божий и принявшим живейшее участие в этом движении явился энергичный, талантливый молодой человек, Вальдеграв, получивший после смерти отца титул лорда Редстока – имя, под которым стал известен в истории русского евангельского движения. За несколько лет до возникновения этого движения, во время Крымской кампании в 1855 году, он, тяжело заболев, находился на краю смерти и уверовал во Христа как в своего личного Спасителя. Его сразу охватило сильное желание говорить и другим о спасении по благодати, которое он сам получил верою во Христа Иисуса и в Его Слово.

Понемногу он стал освобождаться от всяких земных и светских связей, чтобы полностью посвятить себя благовестию, а также благотворительности в Христовом духе. Господь зародил в его сердце жажду понести и в Россию весть о спасении во Христе. Об этом он молился в продолжении многих лет. Сын его, которого мне случалось видеть в Лондоне несколько лет тому назад, говорил мне, что отец его молился о России в продолжение десяти лет и верил, что Господь в Своё время туда его пошлёт.

Этой готовностью ждать Божьего часа и можно объяснить обильные благословения, которыми сопровождалась последующие служения лорда Редстока в России, главным образом в Петербурге.

Ответ на его молитвы пришёл через десять лет таким естественным и простым путём, каким Божьи чудеса почти всегда совершаются на земле.

Лорд Редсток часто ездил в Париж, пробуждаемый всё тем же желанием приводить души ко Христу. Нужно заметить, что этот служитель Божий не отличался особенным даром красноречия, да он и не считал себя призванным выступать в многолюдных собраниях. Одной из его первых задач было донести Евангелие как «силу Божию ко спасению всякому верующему» в среду людей своего класса, к которым мало кто мог проникнуть, хотя он, понятно, был готов служить и другим. В Париже он говорил в частных домах, у знакомых и всюду нёс ту же весть спасения. Среди его слушателей бывали и русские друзья, большею частью из высшего петербургского общества, которых Париж всегда привлекал.

Однажды лорд Редсток, отправляясь на такое собрание, почувствовал себя нехорошо, взял извозчика и оказался в доме раньше назначенного часа. Туда случайно пришла дама, принадлежавшая к одной из ветвей русского царствующего дома. Она относилась отрицательно к проповеднику-мирянину и, узнав, что его ожидают, собиралась раньше уйти, но лорд Редсток появился раньше времени, и они поневоле встретились. Она, как светский человек, любезно поздоровалась с ним

и сказала ему несколько слов, он же, как верный слугитель Божий, не упустил случая сказать ей о Христе. Его слова её заинтересовали, и она осталась.

После продолжительной беседы о Слове Божиим она сказала лорду Редстоку, что то, о чём он сегодня говорил в Париже, нужно обязательно сказать и в Петербурге, и она предложила для этой цели свой дом. К её словам присоединились и другие присутствовавшие русские, говоря, что и они были бы счастливы его услышать у себя. Лорд Редсток понял, что многолетняя его молитва услышана и дверь в Россию для него открыта. Теперь он точно знал, что время настало и Бог туда его посылает.

В ту же зиму 1874 года он поехал в Россию. По пути его настигла телеграмма, извещающая, что его горячо любимая мать находится при смерти. Его поневоле охватило желание вернуться, но вспомнив полученное им указание воли Божией, призвавшей его на новое поле служения Ему, он продолжил намеченный путь. Ему несомненно вспомнились слова Иисуса Христа: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Молитва и терпеливое ожидание Господнего часа, как и полное послушание воли Божией этого свидетеля Христова, были ключом к необычайному благословию, сопровождавшему его появление в России. Плодоносности служения лорда Редстока содействовало и то, что он никогда не искал славы: не привлекал людей к себе, не старался очаровывать их красноречием или личным обаянием. Он ставил основанием своей проповеди Слово

Божие и вводил своих слушателей в Священное Писание. Не владея русским языком, он говорил по-английски или по-французски, а потому слушали его главным образом принадлежавшие к высшему слою общества, где в те дни эти иностранные языки были общепринятыми.

Церковь и проповедь Евангелия в конце XIX века

Необходимо сказать кое-что о тогдашнем религиозном положении в России. Православие было государственной религией. В противоположность католичеству, чтение Слова Божия в ней разрешалось. Всё же за протекшие столетия к основным истинам Священного Писания присоединилось немало постороннего. Богослужение окружено было роскошью и блеском. Литургия, обряды и одеяния священнослужителей в основе служат прообразами евангельских повествований и истин, но вместо того, чтобы облегчить человеку понимание этих великих истин Божиих, они лишь затемняли их. К тому же, Евангелие читалось на старославянском языке, недостаточно понятном простому народу. Немногочисленные проповеди были скорее поучениями; о спасение же во Христе не по делам праведности, а по вере, не говорилось.

Торжественные праздники, прекрасное песнопение и радость воскресения на Пасху несомненно действуют

возвышающе и приводят в умиление душу богобоязненную. Исповедь и причастие освобождают совесть искреннего православного, но всё это редко приводит к решительному разрыву со грехом и радостной уверенности спасения. Богопочитание, полное смирения и праведности, могло стать для искренней души препятствием принять верою искупление и усыновление не по делам, а как дар благодати Божией. Нужно, однако, сказать, что есть опасность для евангельского верующего возгордиться своим познанием истины и впасть в сомнение и гордость, в чём иногда без основания упрекают нас, евангельских христиан. Будем же всегда помнить, что «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать».

Одно несомненно: благовествование Христово «есть сила Божия ко спасению всякому верующему», а «вера – от слышания, а слышание – от Слова Божия». Такой проповеди Благой вести Евангелия не хватало в России.

Высказанным я не хотела бы произвести впечатление, будто одна Россия в то время нуждалась в вести спасения по вере во Христа Иисуса. Слова Спасителя: «Кто не со Мною, тот против Меня» и «должно вам родиться свыше», а также слова о пути в жизнь и пути, ведущем в погибель, забыты в христианском мире, а потому благовестие, одухотворённое свыше, и живое свидетельство рождённого свыше носителя Евангелия нужны всем странам, всем христианским вероисповеданиям. Таким носителем Благой вести стал для России, а позже и для других стран, лорд Редсток.

Первые обращения

По прибытии в Петербург лорд Редсток начал проповедовать в маленькой англо-американской церкви на Почтамтской. В скором времени у некоторых слушателей стали открываться духовные глаза, и глубокое сознание своей греховности привело их к искреннему покаянию. С ними произошло то же, что некогда с ефесеянами, которым апостол Павел писал: «В Нем (во Христе) и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом». Уверенность в спасении, конечно, исполнило радостью обретших её. Оправдывались слова Евангелия от Иоанна: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими». Было ясно, что для многих пришёл Божий час.

Думая о некоторых из тех, кто участвовал в описываемом пробуждении, я вижу, что Бог коснулся их уже раньше, а теперь, слушая ясное изложение Слова Божия, они обрели уверенность, которой не доставало им до тех пор.

Так было с графом Модестом Модестовичем Корфом, церемониймейстером при царском дворе (одна из высших придворных должностей), который занимался распространением Священного Писания, лично не испытав ещё прощения грехов.

То же было и с сестрами Козляниновыми. Они приблизительно в то же самое время получили духовное благословение в Швейцарии и вернулись счастливыми детьми Божиими в своё калужское имение.

То же самое можно сказать и о моей матери. Ещё до замужества, находясь в Англии со своей матерью, она случайно узнала о собраниях в доме одного пожилого англичанина, бывшего министра не то почты, не то путей сообщения, по фамилии Блеквуд. В то время духовные собрания в частном доме, да притом у лица из высшего общества, были явлением необычным. Заинтересовалась ими и моя мать. Но хотя она пошла туда из любопытства, Слово Божие коснулось её сердца. Хозяин дома просто и ясно говорил о двух путях и о важности выбора между светом и тьмою, между Иисусом Христом и сатаной, между небом и адом. Она слышала об искупительной жертве Христа и тут же решила стать на Его сторону. Она верою приняла прощение грехов и искупление в крови Христовой. Радость спасения не покидала её, но вся полнота, ответственность, связанная со званием христианина, ей открылась лишь позже.

Все вышеназванные приходили на проповедь лорда Редстока с сердцами уже подготовленными, но были и такие, для которых слова его были новы и непривычны. Среди них был, например, отставной полковник Кавалергардского полка, Василий Александрович Пашков, богатый помещик, чрезвычайно добрый и благородный человек. Новое религиозное течение сначала не пришлось ему по сердцу, и он не желал слушать лорда-проповедника.

Однажды жена его, Александра Ивановна, пригласила лорда Редстока к обеду. Василию Александровичу ничего не оставалось делать, как любезно встретить

гостя по обычаю русского гостеприимства. За столом гость всё время говорил о Слове Божиим, и присутствующие с интересом слушали. По окончании обеда всё общество перешло в гостиную, где беседа продолжалась. И вот лорд Редсток внезапно предложил встать на колени и помолиться. Это многим показалось странным и непривычным. Но молитва Божьего человека так сильно подействовала на Василия Александровича, что ему внезапно открылось его собственное состояние. Он понял, что всё слышанное из Слова Божия касалось его лично. Он почувствовал свою греховность и отчуждённость от Бога, тут же стал каяться, и ему открылся не только его грех, но и величие спасения Божия во Христе Иисусе. Всей душой уверовал он во Христа как своего личного Спасителя, пролившего кровь Свою и за его грехи и воскресшего для его оправдания, и он верой получил прощение. На нём исполнилось слово из первого послания апостола Иоанна: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Встав с колен, он был уже не тем, что раньше, он стал новым человеком во Христе Иисусе, искупленным Господом, согласно Библии: «Итак, кто во Христе, тот новое творение; древнее прошло, теперь всё новое».

Дом Пашкова

С того времени Василий Александрович Пашков сам стал возвещать Евангелие. Проповедовал он по-русски, и круг слушателей сразу расширился. Прекрасный Пашковский дом на Французской набережной стал центром евангельского служения в Петербурге. Иногда по вечерам собирался круг близких знакомых, с которыми велись духовные беседы; в другие определённые дни зал наполнялся посторонними, и Василий Александрович свидетельствовал им о том, что Христос совершил в его личной жизни, и открывал истину искупления ищущим спасения душам.

Участники этих собраний, оставшиеся в живых до наших дней, рассказывали мне, насколько их сначала поражала своеобразность этих вечеров. В нарядном зале люди самых разных званий и сословий, сидя вперемешку на шёлком обтянутых креслах и стульях, внимательно вслушивались в простые евангельские слова о любви Божией.

Собрание сопровождалось пением. Вокруг фисгармонии стояла группа молодых девиц; они свежими голосами пели новопереведенные с английского языка евангельские песни, призывающие ко Христу. Их пение сопровождалось музыкой талантливой певицы и труженицы на ниве Божией – Александры Ивановны Пейкер. Трое из этих молодых девушек были дочери хозяина дома, Пашкова, трое – дочери министра юстиции, графа Палена, и две княжны Голицыны.

В 1954 году одна из этих девушек, будучи уже дряхлой старушкой, вспоминала о силе и богодухновенности проповеди Василия Александровича. Всё, начиная с его внешнего облика, его благоговейного отношения к Слову Божию и глубокой убеждённости, потрясало слушателей. Ясно изложенное Слово Божие, при содействии Духа Святого, творило чудо обновления и радость спасения в душах, и они становились воистину «новым творением» во Христе Иисусе.

Противники движения, конечно, могли задавать себе вопрос: проявляется ли в обращённых эта новая жизнь и в чём именно? Если новообращённые и не становились совершенными, всё же разница между их прошлым и их настоящим была громадная. Все грубые грехи отпадали; так, пьянство, божба и безнравственность сразу исчезали. Квартиры становились чистыми, в домах водворялся мир. Многому ещё оставалось научиться, но основа новой жизни была заложена, а где появляется жизнь, там бывает и рост.

Василий Александрович не ограничивался собраниями, он ходил в больницы и тюрьмы, чтобы и больным, и заключённым принести Благую весть о Христе. Случались поразительные обращения среди преступников, а также исцеления больных по вере.

Ещё в детстве я слыхала о таких исцелениях по молитве. Василий Александрович Пашков, как и граф Корф, обладали этим даром. Помню, как все близкие находились под впечатлением исцеления одной бесноватой. Злой дух покинул её после молитвы нескольких

братьев, продолжавшейся много часов подряд. Она стала тихой и кроткой ученицей Господней и верным чадом Божиим. По её молитвам и по примеру её жизни муж её был приведен ко Христу. Историю её исцеления, которую я нашла среди бумаг (1887 года) семьи Пашковых, я хочу пересказать.

Исцеление бесноватой

Однажды к верующим сестрам пришла женщина, жена рабочего в Петербурге, с просьбой помолиться с ней. Она призналась, что уже более четырёх лет овладеваема злыми духами, другими словами, что она бесноватая. Ей было трудно даже пройти мимо церкви; всякий раз, когда она только приближалась к церкви, с ней начинался страшнейший припадок, с особенной же силой злые духи овладевали ею, когда она слышала Слово Божие или сама пыталась его читать. Стоило ей даже взять в руки Евангелие, как ею овладевал страшный припадок ярости.

Она уже обращалась к нескольким священникам, но никто не смог ей помочь. И молитва, и пост оказывались безуспешными. Соседи избегали с ней встречаться. Муж решил с ней развестись, а ей не удалось найти себе работу, так как никто не хотел иметь с ней дело.

Выслушав печальную историю этой несчастной, сестры обратились к брату Пашкову, прося его навестить её, что он немедленно и сделал. Бесноватая раньше его

не видела. Как только он вошёл в комнату, она стала неистово кричать каким-то нечеловеческим и пронзительным голосом, начала наступать, нацелясь своими острыми ногтями, похожими на когти хищного зверя, и со зловещим смехом собиралась броситься на него. Но коснуться его она не смогла и лишь не переставая кричала: «Мы погибли, мы погибли! Зачем он пришёл? Зачем его сюда послали?! Мы погибли, навеки погибли!»

Не обращая ни на что внимания, Василий Александрович преклонил колена и стал горячо молиться. Понемногу бесноватая успокоилась настолько, что он смог поговорить с ней о её тяжёлом состоянии. После этого он предложил некоторым верующим собраться, чтобы вместе помолиться над нею. Вскоре после этого в доме Пашкова на Выборгской стороне собрались некоторые из них. Туда же привезли и Кирпичникову.

Как только началась молитва, наступили приступы, притом с такой силой, что двум мужчинам едва удавалось её удерживать. Она пыталась вырваться, издевалась, богохульствовала и хохотала. Казалось, будто целый легион злых духов вселился в неё. «Смотрите, смотрите! – кричала она. – Как они стараются умолить Того, Кого они называют своим Богом! Да, хорош этот Бог, очень хорош, действительно! И всё же Он ничего для такой несчастной, как я, сделать не может». И тут она начала взывать о помощи и душераздирающе рыдать. «Ой, отпустите меня! – кричала она. – Отпустите меня! Разве вы не видите, как сатана меня тащит к себе? Он не хочет меня оставить! Пощадите меня, не

удерживайте! Помилуйте, помилуйте! Я больше не могу этого выдержать! Ох, зачем вы меня мучаете? Отпустите нас, говорю вам: отпустите нас! Иначе убью вас!» Так как молитва верующих не прекращалась, крик её становился всё неистовей, будто врата ада отворились в нашей комнате.

Наконец, окончательно истощённая, она упала на пол и лежала неподвижная. Тут настало истинное испытание веры. С восьми часов вечера до полуночи молящиеся не поднимались с колен. Казалось, что милосердие Божие иссякло. Неожиданно больная вскочила и крикнула, чтобы открыли дверь и окна, так как злым духам не хватает места, чтобы уйти от неё. «Дайте места, скорей, скорей, а то он задушит меня! Видите, видите, он ищет выхода, всё закрыто!» С воем она упала на пол, и оставалась некоторое время неподвижной, с бледным изнеможённым лицом, точно мёртвая. После этого она приподнялась и, вполне успокоенная, села прямо и попросила воды. Осмотревшись кругом, она обратилась к молящимся: «Помолитесь обо мне!» Затем она попросила Василия Александровича дать ей Новый Завет – книгу, к которой она прежде не могла прикоснуться. Она взяла её и прижала к сердцу, а потом попросила отвезти её домой.

Когда на следующее утро Василий Александрович наведлся к ней, чтобы узнать, как она себя чувствует, он нашёл её вполне здоровой и радующейся в Господе. (Хочу тут прибавить, что с того дня припадки больше не повторялись.) Она сказала ему, что сатана не имеет уже силы над ней, потому что Господь, приобретший её

Себе в собственность, силен сохранить её. Радость бедной женщины была так велика, что она только и делала, что ходила по своим друзьям и рассказывала всем, что нашла Спасителя и что больше не боится предстать пред Богом, если Он захочет призвать её к Себе.

Муж её, пьяница, вскоре после этого тоже обратился ко Христу, бросил пить, и они стали счастливыми людьми. Оставив Петербург, они поселились в имении Василия Александровича Пашкова, где стали (для местного населения) благословенными свидетелями любви Господа к грешникам.

В Пашковском архиве нашлась ещё следующая приписка к этой истории: «Последнее, что мы можем сообщить о муже Анны Кирпичниковой, что он в январе 1887 года был приговорен судом к ссылке в Сибирь за проповедь Евангелия».

Ещё один случай из того же времени принадлежит к воспоминаниям моего раннего детства. Мы слышали о человеке, нызываемом Горенович, который всегда носил чёрную маску. Однажды я его видела, и это оставило во мне неизгладимое впечатление...

История человека в маске

Горенович был сыном священника в Малороссии. Родители отдали его в гимназию, но к науке он не проявил особого усердия и вскоре попал в дурную компанию, в кружок нигилистов-материалистов того времени, был арестован и посажен в тюрьму. Когда мать его узнала об аресте сына, она немедленно приехала навестить его и уговаривала выдать своих единомышленников, чтобы получить свободу. Сначала он категорически отказывался. При всей привлекательности свободы, мысль стать предателем казалась ему хуже заключения.

Одновременно с ним в тюрьме сидели штундисты, арестованные за свои религиозные убеждения. Они произвели на него сильное впечатление. Некоторые из них оказались соседями по камере. Ночью, ходя взад и вперёд по камере, удручённый и несчастный, он слышал их бодро поющими духовные песни. Он спрашивал себя: кто эти люди, которые могут так радостно распевать в стенах тюрьмы? Почему заключение не казалось им столь страшным, как ему?

Настойчивые просьбы матери и тоска по свободе понемногу взяли верх, он выдал имена своих товарищей, и его немедленно освободили. Как это ни странно, выйдя на свободу, он снова вернулся к своим единомышленникам, не отдавая себе отчёта, что они теперь стали его врагами. В их отношениях к нему не было заметно вражды, кроме некоторого холодка и сдер-

жанности в разговорах. Его, как и прежде, допускали к некоторым комитетским заседаниям, всё казалось в порядке, и Горенович чувствовал себя счастливым сверх ожидания.

Вскоре один из товарищей предложил ему поехать на прогулку. Они хотели провести день в деревне и выбрали для этого место недалеко от Одессы, куда легко можно было доехать по железной дороге. Горенович принял предложение с удовольствием, не подозревая, к какому ужасному концу оно приведёт. Он даже помог нести мешок, в котором скрывалась большая бутылка серной кислоты, предназначавшейся для него.

Доехав до назначенной станции, они прошли ещё далёкий путь полями, а когда наконец оказались вдали от всякого жилья, один из его товарищей бросил вверх свою фуражку, и в то же мгновение Горенович получил страшный удар по голове и упал без чувств. Когда он пришёл в себя, то ощутил, что какая-то обжигающая жидкость изливается на его лицо и шею. Он старался закричать, но не мог. Боли были так ужасны, что он потерял сознание и пришёл в себя только в больнице, куда доставили его ослепшим, с обезображенным лицом. Глаза, нос, зубы и одно ухо были полностью уничтожены, а правая рука настолько обожжена, что перестала действовать. Страдания от ожогов были так велики, что он умолял врачей дать ему яд, чтобы положить конец мучениям.

Когда он настолько поправился, чтобы покинуть больницу, его поместили в приют для неизлечимых.

Ему, в 22 года, предстояло прожить жизнь свою среди слабых, больных стариков и старушек. Там в одно из своих посещений нашёл его Василий Александрович Пашков и узнал его печальную историю. Горенович был так удручён и ожесточён, что казалось невозможным найти путь к его сердцу. Василий Александрович попробовал беседовать с другими больными, находившимися в той же палате и притом как можно громче говорил и читал им из Евангелия, надеясь, что несчастный молодой человек хоть немного услышит о милосердии Божием. Всё это казалось бесполезным.

Однако через несколько дней, к своему удивлению, Пашков получил письмо от заведующей этой богадельней с просьбой посетить Гореновича. По словам её, последнее посещение богадельни Пашковым не осталось бесследным для Гореновича, в его сердце что-то заговорило. Василий Александрович поспешил навестить его, беседа оказалась благословенной и закончилась обращением несчастного молодого человека. Позже Алексей Бобринский взял его к себе в имение, где он научился азбуке слепых. Два года спустя он уже настолько духовно созрел, что время от времени в собраниях по частным домам свидетельствовал о Христе и Его неизреченной любви. Он всегда ходил в чёрной маске, так как лицо его было слишком обезображено.

Его дальнейшую жизнь можно считать настоящим чудом. Сверх всяких ожиданий, одна милая верующая девушка решилась выйти за него замуж. Она была глубоко предана ему. Они вместе открыли в деревне приют

для слепых детей, который в продолжение многих лет поддерживался Василием Александровичем Пашковым. Люди, хотевшие убить Гореновича, были позднее найдены и осуждены. Горенович должен был предстать пред судом в качестве свидетеля. Пред всем народом, в зале суда, он в своих показаниях заявил обо всём, что Господь для него совершил. Один из подсудимых зарыдал, увидев его лицо, и весь зал был потрясён, когда Горенович в конце своей речи сказал, что он полностью прощает своих друзей и от души желает им стать настолько же счастливыми, как и он теперь.

Эти сведения целиком взяты из записей Василия Александровича Пашкова, оставшихся после его смерти. В следующей главе моей книги я приведу рассказ самого Гореновича о его обращении.

Доброта и щедрость Василия Александровича Пашкова были сказочны. Говорят, что управляющий его имением просил его сократить свою щедрость. В окрестности стало известно, что этот помещик помогает каждому, кто обращается к нему с нуждой. Как только узнавали, что Василий Александрович у себя в имении, немедленно к нему стекались со всех сторон просители. Приходили, однако, не только нуждающиеся, но и все, кому не лень, и последнее огорчало людей серьёзных и положительных. Так что Василию Александровичу пришлось начать учиться быть разумным в добрых порывах и подчинять их руководству Божию. Письма, полученные им уже после того, как он был выслан из

России, свидетельствуют о том, скольким он помогал и как многие его вспоминали с благодарностью.

О том, как ревностны и бесстрашны были эти первые свидетели в своём служении Господу, свидетельствует следующий случай. Однажды, узнав, что эскадрон Кавалергадского полка, в котором он некогда был полковником, должен был пройти мимо его дома, по набережной Невы, Василий Александрович вышел ему навстречу с пачкой Евангелий и, обратившись к командиру эскадрона, попросил его разрешения раздать их солдатам, на что тот дал своё согласие. Солдаты спешили, и каждый получил Новый Завет. В те дни не было ещё запрета на распространение Священного Писания.

Свидетельство бывшего нигилиста¹

Тяжко, очень тяжело было мне в то время, особенно потому, что я больше не верил в чью бы то ни было искренность. Когда кто-нибудь подходил ко мне с добротой, я сразу отталкивал его. Нельзя передать, насколько я был несчастен, меня раздражало сочувствие. Я был беден, но если кто-нибудь хотел мне помочь, я тут же отворачивался от него, и считал свою гордость доблестью. Но, слава Господу, всё это в прошлом. Когда я познал Господа, я научился из Его Слова, что «Бог гордым про-

¹ Из бумаг Гореновича.

тивится, а смиренным даёт благодать». Гордость часто заставляла меня лгать, но теперь я вижу, что неискренность – это один из наибольших грехов.

В Бога я тогда не верил, а потому не искал у Него утешения, и оставался одиноким в мире. Никогда я не спрашивал себя, что будет со мною после смерти, я просто жил настоящим днём, полным беспроектной тьмы, без всякой надежды на будущее.

После того, как я провёл уже много дней в богадельне, мне сказали, что пришёл миссионер, желающий посетить опекаемых этого дома, и спросили, хочу ли я с ним поговорить. Я ответил согласием не потому что действительно хотелось говорить с ним, а просто из любопытства. Он вошёл в мою комнату, поздоровался и спросил: «Не желаете ли вы послушать о моём Спасителе?» Эти слова врезались в меня, как острый нож. Я не мог понять, зачем он сказал «мой», а не «наш» Спаситель и попросил его объяснить. «Вы верующий?» – спросил он вместо ответа. Я не сказал «нет», почему-то стыдясь признаться, что я не верю в Иисуса Христа.

Он начал мне читать места из Слова Божия. Первое место было: «Бог есть любовь». Если я когда-либо давал себе время подумать о Боге, что иногда случалось в детстве, то представлял Его строгим Судьёй, Который никогда человеку не прощает ни малейшей провинности и за всё, что идёт против воли Его, строго наказывает. А тут я вдруг услышал, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную», и

что ради Христа, Сына Его, верующий имеет право на вечную жизнь и на грядущую славу.

Никогда я до тех пор ничего подобного не слышал. Хотя я иногда и читал Евангелие, но этих слов не замечал, потому что на смысл прочитанного не обращал внимания. Я даже знал наизусть некоторые тексты, но учил их только по принуждению. Как я уже сказал, я не верил в существование Бога, как же мне было верить в Его любовь и милосердие? Но теперь, когда я снова услышал о Нём из уст миссионера, в моём сердце появилось сомнение в правильности моего неверия. И предо мною встал вопрос: «Если Бог существует, может ли Он простить такого великого грешника, каким я был и каким оставался поныне, – и не только простить, но и принять меня в Своё Царство, в Свою вечную славу и радость?»

Приблизительно через неделю миссионер снова посетил меня. Когда он мне прочёл место из Священного Писания: «Нет праведного ни одного... нет делающего добро, нет ни одного», – меня охватил страх. Я был убеждён, что Бог, Который сама святость, такого изверга, как я, никогда не примет, и сказал об этом миссионеру. Я услышал в ответ: «Христос пришёл в этот мир спасти грешников. Думаете ли вы, что вы хуже разбойника на кресте, который исповедал свой грех и сразу же получил обещание быть с Иисусом в раю?» При этих словах свет свыше проник в моё несчастное, разбитое и обуреваемое сомнениями сердце, и мне открылось, что Бог воистину милосерд и что, хотя Он ненавидит

грех, всё же любит грешника, ради спасения которого Он не пощадил Своего единородного Сына.

Я почувствовал, что Христос меня любит, и небывалая радость залила моё сердце. «Да, Он любит меня!» Я больше не был один, я имел теперь Отца, Брата, Друга, Наставника и Путеводителя, Того, Кому я мог принести всю мою нужду, какая бы она не была, – Он всегда готов меня слушать.

Уходя, миссионер спросил меня, верю ли я теперь. Я ответил: «да». С тех пор у меня никогда больше не появлялось сомнений. Мне было ясно, что теперь, когда я потерял свет, доступный моим земным глазам, я нашёл «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Теперь мне стали понятны слова Давида в их полном смысле: «Когда я молчал, обветшали кости мои от вседневного стенания моего, ибо день и ночь тяготела надо мной рука Твоя; свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху. Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего. Я сказал: исповедаю Господу преступления мои, и Ты снял с меня вину греха моего».

Да, было очень тяжело, пока я не познал Господа и не согласился, признав себя погибшим грешником, открыть Ему своё сердце. Но признав себя грешником, я понял, что во мне ничего хорошего не найти, – любовь Божия стала для меня действительностью. Теперь я познал, что Он любит меня, как и весь мир, потому что Он эту любовь доказал тем, что отдал Сына Своего за наши грехи, за мои грехи. И если мне, по слабости моей,

случилось бы упасть, я знаю, что стоит мне исповедать свой грех, и «Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Я теперь твёрдо знаю, что никто меня не сможет похитить из рук Спасителя моего Господа Иисуса Христа и отлучить от Его любви.

Рост евангельского движения

Лорд Редсток, через которого началось пробуждение, пробыл в Петербурге шесть месяцев. Спустя год или два, он вернулся ещё на полтора года, на этот раз с женой и всеми детьми, чтобы укрепить в вере тех, кто, благодаря его свидетельству, познал Господа Иисуса Христа как своего личного Спасителя. Он видел необходимость ввести их глубже в Священное Писание и в понимание того, в чём заключается обновленная жизнь истинного христианина, а также указать им на ответственность нашу перед Богом, да и перед миром. Этим он напоминал апостола Павла, который мог написать фессалоникийцам: «Мы... были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими».

Лет тридцать спустя, графиня Елена Ивановна Шувалова, которую я встретила за границей уже пожилой, рассказывала мне, как она с благодарностью вспоминает лорда Редстока, терпеливо знакомившего их со Словом Божиим, когда они были духовно ещё детьми. Он учил их,

словно нянюшка в детской. Проживая в одном из отелей на юге Франции, графиня Шувалова тщетно искала людей для духовного общения. Наконец она нашла пожилую немку, с которой можно было говорить о Христе. «Но, – говорила мне Елена Ивановна, – тут-то я особенно поняла ценность того, что нам дал Господь через слугу Своего. Моя добрая благочестивая немка утешалась несколькими известными ей стихами Священного Писания и несколькими знакомыми церковными гимнами; это было и всё. Она имела веру и, наверное, была угодна Богу, но богатство Слова Божия было для неё закрыто, и с ней нельзя было делиться глубинами его».

Благодаря такому правильному началу, русские евангельские верующие с первых дней были крепко укоренены в Слове Божиим. Это и помогло им устоять во время преследований, а также давать отпор лжеучениям.

Проповеди лорда Редстока привели к вере многих. Граф Модест Модестович Корф, благочестивый, добродетельный молодой человек, искавший спасения души, обрёл его по благодати Господа Иисуса Христа, через служение лорда Редстока, и стал искупленным и помилованным грешником. Целью его жизни стало прославлять Бога и своего Спасителя и призывать ко Христу всех грешников. Таким он и остался до глубокой старости и до того дня, когда Господь призвал его к Себе. В то время он был одним из первых работников на ниве Божией.

Две сестры Козляниновы, о которых уже говорилось выше, сразу стали деятельными сотрудницами движения. Александра Ивановна Пейкер, обратившаяся

ко Христу через известного служителя Божия, проповедника Муди, вернувшись из-за границы, нашла в Петербурге для себя духовную семью. Прекрасный голос оперной певицы она отдала на служение Господу. Её пение и свидетельство о Господе несли утешение больным, усталым и разочарованным в жизни, ободряли молодых в следовании за Господом. Таким образом увеличивался круг работников.

Граф Бобринский, бывший тогда министром путей сообщения, захотел узнать причину резкой перемены в жизни многих своих друзей и знакомых. Он подошёл к лорду Редстоку с сильным предубеждением и сразу сказал ему, что противоречия в Библии доказывают её несостоятельность. Лорд Редсток предложил ему указать на эти противоречия, но граф ответил, что сделает это при следующей встрече.

Граф Бобринский принялся за дело серьёзно. Далеко за полночь засиживался он за Библией, внимательно читал и перечитывал Ветхий и Новый Завет и через несколько дней приехал к лорду Редстоку, чтобы указать последнему на стихи Библии, которые, как ему казалось, противоречат друг другу. Он был уверен в своей победе. Но тут, как он сам позже рассказывал, произошло необъяснимое. Вот его собственные слова, которые я нашла в воспоминаниях графа Корфа: «Каждый стих, приведенный мною в доказательство правильности моих взглядов, немедленно становился как бы стрелой, направленной против меня. Во время нашей беседы я почувствовал силу Духа Святого. Я не мог объяснить,

что со мною произошло, но я получил рождение свыше». Граф Бобринский тоже был одним из первых работников для Господа, тех, кто усердно взялся за дело Христово тех дней.

Княгиня Вера Фёдоровна Гагарина, сестра моей матери, молодая, красивая, счастливая в браке и богатая, казалось бы, имела всё, чего человек может пожелать для своей земной жизни. Однако она испытывала нужду в чём-то высшем и вечном, как и самый обездоленный человек. Для меня этот живой пример остаётся радостным доказательством того, что Царство Божие нужно людям всех возрастов и положений, а не только престарелым, больным и обездоленным, как часто приходится слышать. Царство Божие является высшим благом, превышающим все богатства сего мира и доступным для всякого, искренно ищущего его. Но человек от природы ослеплён наружным блеском. Ему трудно заметить невидимое и предпочесть его земным ценностям, особенно когда они подступают к нему в привлекательном виде или соответствуют его умозрению. Духовное прозрение человека – это всегда чудо.

Многие считали, что Вера Фёдоровна Гагарина и Василий Александрович Пашков обратились в Англии, но, на самом деле, они обратились в Петербурге. Моя тётя Вера Фёдоровна сама мне рассказывала, как во время одного собрания её поразило прочитанное из Книги Бытия слово. Лорд Редсток прочёл текст из Ветхого Завета, в котором Бог обращается к Адаму со словами: «Где ты?» Эти слова проникли в её сердце и не давали ей покоя.

Она задумалась: если бы Господь задал ей сегодня такой же вопрос, она бы не знала, что ответить, не знала бы где находится её душа, среди спасённых или погибших. А когда в конце собрания прозвучали давно знакомые ей последние слова Христа на кресте: «Совершилось!» – её внутренние глаза внезапно открылись, свет проник в её сердце.

Не раз читая это место из Слова Божия или слыша его во время церковных служб, она считала, что эти слова говорят о конце земных страданий Христовых. Но теперь она поняла их истинный смысл: на Голгофском кресте была принесена жертва за всё человечество, «совершилось» искупление, предсказанное пророками. Свет свыше озарил её сердце, и она поняла, что великое спасение включает и её и что ей остаётся верою принять его. То, чего она не могла достигнуть ни стараниями, ни добрыми делами, – было совершено Христом и давалось ей даром.

Перед окончанием собрания лорд Редсток, обратившись к присутствующим, сказал, что он чувствует, что есть среди них кто-то, кто сегодня должен отдаться Христу или уже отдался, и он просит этого человека встать, что она и сделала. Среди этого, частью ещё светского общества, окружённая знакомыми и родственниками, молодая княгиня безбоязненно засвидетельствовала, что она сегодня приняла спасение и отдаётся Христу. С тех пор она стала одеваться просто и скромно, посещать больных и заключённых и читать им Слово Божие. И до конца жизни она была известна своею щедростью в

помощи нуждающимся и ревностью в распространении Слова Божия. Муж её, хотя и не разделял её взглядов, однако давал ей полную свободу действий.

Из её посещений тюрем один случай запечатлелся в моей памяти. В то время среди арестантов встречались и политические заключённые, которых тогда называли нигилистами. Когда она говорила с одним нигилистом о Христе и Его учении, он стал утверждать, что их учение – это учение Христово, потому что они выступают против правительства из любви к человечеству. Тогда тётя моя спросила его, всех ли людей он любит. «Да», – ответил он уверенно. «И этого жандарма тоже?» – «Нет», – вырвалось у него с возмущением. «Вот видите, в этом вся разница. Иисус Христос учит нас всех любить, так как Он за всех умер, в том числе и за этого жандарма».

Известна в то время была и Елизавета Ивановна Черткова, вдова генерала Черткова и мать Владимира Григорьевича Черткова, будущего последователя и близкого друга Льва Николаевича Толстого. Она была сестрой Александры Ивановны Пашковой. Глубоко опечаленная потерей двух ещё молодых сыновей и смертью любимого мужа, она верою нашла утешение и новую жизнь в Иисуса Христа, Сына Божия, её Спасителя. С ней это произошло, насколько я знаю, при встрече с лордом Редстоком за границей. Её доброта и милая сердечность располагали к ней не только верующих, но и всех, с кем ей приходилось сталкиваться в жизни, даже молодёжь. Интересны её посещения тюремных больниц и те трудности, с которыми была связана эта работа.

Цыганка в тюремной больнице²

Под впечатлением бесплодности всех моих стараний и трудов последних лет, я чувствовала себя обескураженной и разбитой. Однажды я поделилась своими переживаниями с близкой мне верующей и прибавила, что я охотно бросила бы свою работу. На это она мне ответила стихом из Слова Божия: «Увидишь больше этого», после чего я снова взялась за труд.

Состоя членом Дамского комитета посетительниц тюрем, я имела право входить во все тюрьмы Санкт-Петербурга и посещала женскую тюрьму. Раза три-четыре я побывала в одной из больничных палат этой тюрьмы, где моё внимание особенно остановилось на группе молодых женщин. В своём неразумии я воображала, что они более других способны принять Благую весть Евангелия.

Однажды утром, когда я вошла в палату, меня позвали в другое помещение, где находилась женщина в бессознательном состоянии и, судя по всему, умирающая. Я подошла и узнала в несчастной тёмную, непривлекательную женщину, которую мысленно раньше прозвала цыганкой. Мне казалось, что она никогда не обращала внимания на то, что я читала. Но в миг, когда её потухающий взор встретился с моим, она протянула ко мне свои худые руки, и что же мне оставалось сделать, как не наклониться к ней и не дать ей обнять меня. Она с удивительной силой притянула меня близко к себе на тюремную койку и начала говорить всё громче и громче.

² Из воспоминаний Е. И. Чертовой.

«Барыня, знаете куда я иду? Я иду к Иисусу! Вашему Иисусу! Моему Иисусу! Откуда я пришла, вы не знаете и не можете знать, и даже если бы знали, не могли бы понять, из какой глубины страдания и греха я пришла. Но куда я теперь иду, – о! это вы знаете. Я иду к моему Иисусу, Который меня омыл Своею кровью, Который мне открыл Своё Царство. Я иду к Тому, Который разбойнику на кресте подарил рай, к Тому, Который простил грешнице у ног Его, Который сказал, что ангелы на небесах радуются, когда грешница, как я, приходит к Иисусу. О, как я люблю Его! Как я люблю весь мир, за который Он умер!»

Тут она остановилась и, взглянув на меня с некоторым ужасом, сказала: «А всё же, барыня, ведь наступит же ещё мгновение полного мрака?» – «Нет, дорогая, – ответила я, – ведь Спаситель будет и там». – «Ах, да, – продолжала она, и лицо её просветлело, – если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною, Твой жезл и посох, они успокаивают меня». К моему великому удивлению, она прочла наизусть весь этот чудный Псалом, который слыхала всего один или два раза, а потом повторила все те места из Священного Писания, которые слышала в палате в мои утренние посещения.

Все женщины в палате громко рыдали, и я сама, едва сдерживая слёзы, благодарила Господа за Его любовь к душе этой бедной женщины, – теперь уже не бедной! – и за дивное Его милосердие ко всем нам. Умиравшая, повторив за мной все слова моей молитвы, закрыла глаза и,

истомлённая, откинула голову на подушку. Вошедший в эту минуту врач взглянул с удивлением на наши лица и спросил, что бы это всё значило. Сестра указала на умирающую женщину. «Она без сознания, если уже не мёртвая», – объявил он. «Нет, доктор, – сказала я, – подойдите ближе и посмотрите на неё». И я подвела его к койке. Она снова открыла свои чёрные глаза и с улыбкой сказала: «Это вы, господин доктор? Благодарю, благодарю вас за всё! Господин доктор, я вас люблю, потому что Иисус вас любит. Он за вас умер и за меня, и я иду к Нему, где всё будет светло и прекрасно и где не будет уже ни страданий, ни слёз!»

Врач удивлённо взглянул на меня и, покраснев, потопился покинуть палату. Я последовала за ним. «Чего вы хотите от меня, сударыня? – спросил он раздражённо. – Я очень устал, я провёл ночь у постелей тридцати умирающих!» Он, казалось, от волнения уже не знал, что говорить. «Тридцать умирающих в одну ночь, господин доктор? И много ли было таких, как эта?» – «Вы, значит, как будто проверяете меня, сударыня?» И вдруг изменившимся голосом он тихо сказал: «Я никогда ничего подобного не видел!» – «Дорогой доктор, я только потому и пошла за вами, чтобы вы это засвидетельствовали и всю честь отдали Тому, Которому она принадлежит». – «Хорошо, хорошо, – ответил он, – я ничего из сказанного вами не хочу отрицать». И скрылся.

После этого я пошла в другой зал, где часа полтора беседовала с больными и читала им Слово Божие, а потом вернулась в соседнюю палату, чтобы посмотреть, скончалась

ли уже цыганка. Сестра кивнула мне и прошептала: «Нет ещё». Несколько минут я смотрела на это истощённое лицо, ожидая увидеть на нём смертный покой. Она внезапно открыла глаза, и дрожь пробежала по моему телу, будто на меня смотрел труп. Но вдруг, просияв, она воскликнула: «Вы ли это? Подойдите ко мне!» Я приблизилась к моей дорогой цыганке, своими слабеющими руками она послала мне несколько поцелуев и сказала: «До свиданья – до скорого!» Она закрыла глаза, чтобы открыть их уже в ином мире, в Царстве Божиим.

Это была настоящая сладость удовлетворения, которую Господь дарит Своим слабым и уставшим детям в их трудах для Него.

Елизавета Ивановна рассказывала ещё про одну благословенную смерть, которая подкрепила её в трудах для Господа.

Было это в мужском отделении тюремной больницы. Заболевший чахоткой солдат лежал при смерти. Службу он проходил в тюремной страже. В этой тюрьме были и политические заключённые. Он за деньги передавал их письма друзьям на воле, а письма от последних доставлял заключённым. За это он вместе с некоторыми такими же и был осуждён. Теперь он умирал. Я его видела всего два раза, и то не долго. При последнем моём посещении я нашла его сильно ослабевшим. Он сказал, что говорить уже почти не может. «Но, милый друг, можешь ли ты вместе с разбойником на кресте сказать,

что осуждён справедливо?» – «О, да, – прошептал он, – я грешник». – «Но можешь ли ты вместе с разбойником на кресте повторить: „Помяни меня, Господи, когда придешь в Царство Твоё“?» Лицо бедняги просияло, когда он, борясь с одышкой, прошептал: «Скажите ещё раз, скажите!» Я послушалась, и он медленно повторил за мною каждое слово. «А теперь, – сказала я ему, – вот ответ Господен: „Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю“».

Светлая улыбка преобразила его лицо, когда он закрыл глаза. Я думала, что он устал, тихо вышла из палаты, рассчитывая позже вернуться к нему. Но не успела я отойти на несколько шагов, как служитель поспешил за мной и сказал: «Барыня, ваш больной умер». Я вернулась к постели, где умерший лежал с той же светлой улыбкой на лице, как бы подтверждая слова апостола Павла: «Мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа».

Елизавета Ивановна Черткова была по природе благочестива и долго придерживалась церковных обрядов. Только понемногу ей становилось ясно, что новое вино вливают в мехи новые, иначе мехи разорвутся и вино разольётся. Ей пришлось пережить немало внутренней борьбы, чтобы полностью освободиться от вековых предрассудков, но в конце концов она поняла, что всякая связанность, даже самая религиозная, является препятствием для свободного руководства Духа Святого в душе искупленного чада Божия.

В то время обратились к Господу ещё многие другие. Иван Вениаминович Каргель прибыл в Петербург уже верующим, но всегда считал Василия Александровича Пашкова своим духовным учителем и отцом во Христе. Впоследствии Бог многие годы использовал этого брата для служения на ниве Его. Он стал благословенным проповедником и мудрым духовным наставником.

В заключение необходимо ещё назвать семью Крузе, состоявшую из семи сестёр. Когда и где именно они уверовали, я, к сожалению, не знаю. Они жили с родителями в Москве, а потом переехали в Петербург. Старшие из них были деятельными сотрудницами в деле распространения Евангелия в самом начале этого движения, а позже и все семеро стали решительными исповедницами Христовыми. В залах собраний, в швейных мастерских и частных квартирах – всюду на стенах красовались в рамках под стеклом большие картины с текстом из Священного Писания, написанные сестрами Крузе. Но деятельность их не ограничивалась рисованием. Эти новообращённые горячие последовательницы Иисуса Христа отдавали все свои силы, способности и средства на служение Господу. Пережив лично освобождение от греха и себялюбивой жизни, они получили радость прощения и новой жизни во Христе и теперь желали нести дивное Евангелие спасения окружающему их роду человеческому.

Духовная литература

Многие из вышеупомянутых, хорошо владея иностранными языками, начали переводить на русский язык духовную литературу и гимны. В православных церквах, где поёт только хор, песнопение церковное не приспособлено для всех молящихся. Новая живая церковь нуждалась в духовных песнопениях. Один из потрудившихся на этом поприще был Шулепников, тесть графа Корфа, отличавшийся большою музыкальностью, переложивший на музыку несколько псалмов и некоторые гимны. Остальные духовные песни вполне соответствовали духу и переживаниям этих решительных и радостных воинов Христовых, но что касается мотивов – они были музыкально примитивны и несколько чужды для русского слуха, так как являлись точным повторением английских напевов. Все средства на печатание и бесплатное распространение этой литературы верующие давали от себя.

Вскоре основалось Трактажное общество, издававшее книги, брошюры и журналы духовного содержания. Журнал этот выходил под названием «Русский рабочий», издателем и редактором была Александра Ивановна Пейкер. Библии и Новые Заветы получали из Британского библейского общества. Библии того времени были большого формата и соответствующего веса. Они были напечатаны на очень хорошей бумаге и крупным шрифтом. Всю эту литературу верующие раздавали своим знакомым и друзьям, а также всем желающим.

Хочется отметить один отрадный факт, характерный для нашего народа. Русский человек, в отличие от многих других, как только уверует, независимо от его образования, становится немедленно миссионером, чему я не раз была свидетельницей. Один из таких братьев говорил мне: «Моё оружие всегда со мною», – подразумевая Слово Божие, с которым он не расставался.

К комитету Трактатного общества принадлежал и мой отец, оберцеремониймейстер при императоре Александре II. Он нередко беседовал с государем о свободе совести в России. Отличавшийся большою веротерпимостью государь уже готовил соответствующий закон. В проекте будущего закона о веротерпимости предполагалось, между прочим, разрешение, при смешанных браках родителей, предоставить детям выбор вероисповедания. Проект этот, насколько мне известно, уже получил согласие Сената и должен был в самом непродолжительном времени стать законом. К великому сожалению, убийство государя положило всему этому конец и закон этот так и не увидел света.

Мой отец, лютеранин, смотрел на новое духовное течение с некоторой сдержанностью. Мать моя была православная. Когда она сказала отцу, что хочет на ближайшем евангельском собрании принять участие в преломлении хлеба, соответствующем церковному причастию, он предупредил её о возможности возбудить этим недовольство высших властей. Однако других препятствий он ей не ставил, а впоследствии и сам охотно посещал собрания, преклоняя колена со всеми молящимися.

Общественная деятельность верующих

Василий Александрович Пашков, вместе со своим другом – графом Корфом, посещал чайные, где зимой обогревались извозчики. В жарко натопленных и сильно накуренных трактирах или чайных, битком набитых легковыми и ломовыми извозчиками, эти два служителя Божия читали Евангелие и говорили о Христе, о путях гибели и спасения, призывая всех обратиться к Спасителю с покаянием, чтобы получить верою прощение грехов и новую жизнь свыше. Тут же они раздавали небольшие Евангелия. Простые слушатели с большим вниманием и открытыми сердцами принимали слова свидетелей Господних, воодушевлённых горячей любовью к Господу и жаждою спасения душ.

Много лет спустя, когда я предложила извозчику одно из четырёх Евангелий, я услышала в ответ: «Несколько лет тому назад один хороший барин подарил мне такую книжечку». Радостно было слышать, с какой благодарностью он его вспоминал.

Верующие того времени не ограничивались одним служением словом. Я уже упомянула, что у Пашковых имелся дом на Выборгской стороне. Там Василий Александрович открыл столовую, в которой за малую плату можно было получить простое хорошее кушанье, а также чай или кофе с молоком. На стенах столовой были написаны стихи из Священного Писания, гостей обслуживали верующие женщины или девицы.

Это помещение было устроено, прежде всего, для студентов, которым часто не хватало средств на пропитание. Кроме хорошего питания и низкой цены, их привлекало милое отношение служащих и приятная обстановка.

Один из членов евангельской общины в Париже, теперь уже пожилой брат, рассказывал мне, как он, чуждый веры, студентом любил заходить в эту столовую, где за десять копеек мог получить целый обед, а за копейку – тарелку супа или полную тарелку гречневой каши с маслом. Кто знает, может быть, эти небольшие проявления ласки и человеколюбия предохранили некоторых от горечи и разочарования, которые впоследствии приводили к классовой вражде, к атеизму и, наконец, к братоубийственному кровопролитию.

Наша мать изредка брала меня с сестрами на Выборгскую сторону, и нам тоже доставляло большое удовольствие выпить там чашку кофе с горячими пирожками. Всё это казалось гораздо вкуснее того, что мы ели дома. Эти поездки принадлежат к одним из светлых воспоминаний раннего детства.

Пашковский дом на Выборгской стороне был также центром евангельской работы. Душою всего дома, верным воином на своём посту была Мария Ивановна Игнатьева, заведовавшая столовой, а впоследствии – прачечной и швейной мастерской. Но, к сожалению, скоро начались правительственные ограничения этой деятельности. Например, было запрещено развешивать на стенах столовой тексты из Священного Писания.

По-видимому, правительство ставило братьев на один уровень с пропагандистами, и надписи пришлось снять. Много лет спустя столовая закрылась, но по какой причине – мне не известно.

Одна петербургская благотворительница, фамилии которой я не помню, открыла в разных частях города швейные мастерские для бедных женщин, чтобы дать им возможность заработка на дому. Покидая Петербург и не желая забросить это дело, она предложила некоторым из наших верующих сестёр взять его в свои руки. Александра Ивановна Пашкова и её сестра Елизавета Ивановна Черткова выбрали по мастерской в одной из частей Петербурга, а моя тётя – Вера Фёдоровна Гагарина взяла на себя две мастерские.

Они стремились не только помочь бедным женщинам иметь заработок, но и дать им возможность слышать Слово Божие. В мастерских они получали скроенный материал, а возвращая сшитое, затем получали заработанную плату и новый заказ. Их посещали по квартирам, где с ними беседовали, а на Рождество и Пасху устраивали праздники с подарками и угощением для них и их детей. На этих праздниках и пели, и читали Слово Божие, и молились. Раз или два в неделю дочери этих работниц приходили в мастерскую и учились шить. Во время работы им поясняли что-нибудь из Слова Божия или читали рассказы духовного содержания. Этим делом чтения, главным образом, занимались и некоторые из сестёр Крузе, и две сестры Голицыны, и моя сестра, и я сама.

Финансовой стороной дела заведовал всеми чтимый доктор Мейер, основатель, директор и главный врач Евангелической больницы на Петербургской стороне. Больница эта славилась порядком и исключительно хорошим уходом за больными. Нас всегда удивляло, как он, значительная личность, мог принять участие в таком скромном деле, как наш комитет. Ему, по-видимому, нравился дух этих собраний, и он стал их секретарём и казначеем.

Наша тётя, Вера Фёдоровна Гагарина, позже рассказывала нам, как она всегда удивлялась терпению доктора Мейера с верующими, но ещё довольно пылкими сестрами. Они отличались ярко выраженной индивидуальностью и, как все новообращённые, большой горячностью, что часто делало заседания комитета очень бурными. Однако они всегда кончались полным согласием и благодарной молитвой Господу. Доктор Мейер говорил, что эти заседания были чрезвычайно интересны, и считал их одними из лучших часов своей жизни.

Вере Фёдоровне Гагариной помогали, с большой верностью и преданностью, обе сестры Козляниновы, которые обратились в Швейцарии. Сашенька, как мы называли старшую из них, работала в Коломенской части, недалеко от нашего и Гагаринского дома. Она посещала женщин, работавших в Коломенской мастерской, читала им и девочкам, учившимся у неё шить, Слово Божие. Самой же работой в мастерской заведовала, то есть кроила и раздавала работу женщинам, верующая портниха. Спустя много лет, когда Александре Серге-

евне Козляниновой, из-за болезни сердца, стало трудно навещать работниц по их квартирам, я и моя старшая сестра Мария Павловна переняли от неё эту работу.

Так мы познакомились с самыми бедными частями города и увидели нищету в самом неприкрашенном виде. Эти посещения стали хорошей школой, научившей нас подходить к душам, не расположенным к слушанию духовных истин.

Во время одного из приездов лорда Редстока обратилась к Господу княгиня Голицына, отличавшаяся необычайной кротостью и мягкостью характера, а вместе с нею и две её дочери. Потеряв после смерти мужа почти всё своё состояние, она терпеливо переносила постигшее её испытание. Её дочери занимались девочками в мастерской, которая была на Песках.

Вторая Козлянинова, Констанция Сергеевна, в противоположность сестре, была худенькая, живая и энергичная, но немного болезненная (мы с детства привыкли слышать: «Сегодня Костенька умирает»), – она отвечала за работу на Песках, которая, как и в Коломенской части, велась на средства Веры Фёдоровны Гагариной.

Констанция Сергеевна не могла много ходить, потому моя тётя всегда брала её с собой, когда ехала на Пески. Отпустив кучера, тоже верующего, который в определённое время снова приезжал за нами, они отправлялись навещать работниц – кого в подвальном помещении, а кого по углам дешёвых квартир. Женщины были, большею частью, жёнами пьяниц и влачили безотрадное существование.

Кто не бывал в таких квартирах, не может иметь представление о них. Лестницы пахли горелым постным маслом и кошками. Квартиры часто сдавались нескольким жильцам, каждый занимал по углу или по койке. Помещение не проветривалось, чтобы экономить тепло, а потому в таких комнатах можно было прямо задохнуться. Женщина, которую собирались навестить, может, и рада была гостям, но случилось, что тут же находился другой жилец, которому «пашковцы» (как нас называли) не были по сердцу, и тогда с бедной работницей невозможно было поговорить по душам.

Однажды Божьих служительниц даже выгнали со двора метлой. Тётя моя радовалась потом, что за имя Христово удостоилась понести посрамление. Утомлённые посещениями, они шли в мастерскую, где живые девочки доставляли им много радости. Кучер, Димитрий Иванович Глухов, ожидал их в условленном месте, и скоро они уже оказывались дома на Большой Морской, усталые, но счастливые от проведенного дня на ниве Господней. В те дни часто пели на собраниях теперь почти забытый гимн: «Ещё для Иисуса окончен день труда...»

Вещи, сшитые в мастерских, продавали на базарах, ежегодно устраиваемых для этой цели в нашем доме на Морской 43. Базар сначала помещался в малахитовом зале, который назывался так из-за малахитовых колонн и камина. Покупателей приходило много, частью свои знакомые, частью люди с улицы. С прискорбием нужно сказать, что многих покупателей соблазнял и малахит, который они выковыривали из колонн. Из таких кусоч-

ков делались потом брошки и всякие украшения, что и прельщало многих. Чтобы не вводить во искушение «любителей малахита», мать наша прекратила эти базары. Для продажи сшитых вещей нанято было помещение на Вознесенском проспекте; позже это дело перенесли в нижний этаж нашего дома. Продавались детские вещи, простое бельё и платья. Магазин этот стал вскоре известен, и петербургские дамы охотно покупали в нём одежду и бельё, особенно для праздничных подарков.

Две милые продавщицы, горячо любившие Господа, были настоящими миссионерками. В заботе о душах, они всегда говорили с покупательницами о Евангелии. Нередко они обращались к покупательнице с вопросом, любит ли она Господа. Некоторых из них, я знаю, трогала эта забота, и они охотно слушали свидетельства. Были даже такие, которые приходили туда специально, чтобы получить утешение или наставление от одной милой простой старушки.

В двух других частях города, на Выборгской стороне и в Гавани, работа была несколько иной. Там изготавливали тонкое, более дорогое бельё и нужны были работницы-белошвейки. Молодая сестра обучала этому ремеслу группу молодых девушек, из которых впоследствии выходило много хороших работниц. С ними также читали Слово Божие и посещали их семьи. Сшитое бельё отличалось хорошим качеством и легко продавалось. Эта работа продолжалась много лет, до Первой мировой войны, и послужила благословением немалому числу женщин и девиц.

Столкновение с представителями православия

Первые годы духовной работы были временем распространения Евангелия. Как в городе, так и в провинции росло число последователей учения о прощении грешника по благодати, верою в спасительную силу крови Иисуса Христа, не по заслугам и добрым делам, а по вере. Представители православной церкви смотрели с недовольством на распространение евангельского движения. Они скоро заметили, что взгляды его участников расходились с общепринятыми церковными. Последователи этого учения не поклонялись иконам, не обращались с молитвою к святым и отвергали ещё многое из омертвевших обрядов. Все усилия вернуть отклонившихся в русло старых верований оставались безуспешными.

Молодые верующие настолько укоренились в Священном Писании, что, опираясь на него, могли обосновать свою веру на Слове Божиим. По вопросу о поклонении и молитвах святым они приводили слова ангела из Откровения Иоанна. Когда апостол Иоанн пал к ногам ангела, чтобы поклониться ему, последний сказал: «Смотри, не делай этого; ибо я сослужитель тебе... Богу поклонись». Или цитировали из Деяний апостолов, где говорится, как после исцеления одного больного в Листре жители этого города, в уверенности, что это боги в образе человеческом сошли к ним,

хотели принести жертву Павлу и Варнаве, а последние с ужасом бросились в народ и воззвали: «Мужи! Что вы это делаете? И мы – подобные вам люди».

По поводу недопустимости почитания изображений святых, исповедники нового вероучения приводили места из Ветхого Завета: Исх. 20:4–5; Ис. 40:18–20; 44:8–22, где говорится о недопустимости поклонения изделию рук человеческих, а также ссылались на первую заповедь закона Божьего: «Не делай себе кумира и никакого изображения... Не поклоняйся им и не служи им».

Перед Словом Божиим священникам приходилось умолкать, и им нужно было искать иной способ бороться с этим учением. В то время в России церковь и правительство были тесно связаны, а потому власти могли помочь церкви в этой борьбе. Они стали на её сторону и начали рассматривать приверженцев евангельского учения как вольнодумцев, опасных для существовавшего государственного строя.

Цензура стала очень придирчивой ко всем духовным изданиям, а правительственные учреждения чинили всякие препятствия проповеди Евангелия. Всё движение было взято под подозрение. Начались аресты, и если становилось известным, что кто-то своим свидетельством или проповедью привёл других к обращению, первого обвиняли в совращении и подвергали тюремному заключению или ссылке.

После убийства революционерами императора Александра II, 1 марта 1881 года, положение в России резко изменилось. Устрашенное зверским покушением прави-

тельство везде подозревало опасность, вводило всякие строгости и стало в высшей степени реакционным.

Молодой государь Александр III находился под сильным влиянием Константина Петровича Победоносцева, убеждённого противника евангельского движения в России. Назначенный обер-прокурором Святейшего Синода, он противился проникновению этого движения в Россию и предпринял ряд самых суровых мер против его исповедников. Тюрьма и ссылка стали обычным уделом верующего. Подобно апостолу Павлу, когда он был ещё Савлом, гнавшим Церковь Христову, так и Победоносцев думал, что служит Богу и делает доброе дело, преследуя наших бедных братьев.

«Редстокистов», или «пашковцев», стали считать опасной сектой, которая ослабляет православие. Православная церковь была государственной, и ослабление её являлось, с этой точки зрения, опасностью для основ престола. Государь являлся главою церкви и естественным её защитником. На этом основании евангельские верующие рассматривались как противники существующего государственного строя, подвергались строгим ограничениям и даже гонениям. Пришлось прекратить издательство журнала, так как почти ни одна статья не пропусклась цензурой. Но, несмотря на всё это, число верующих росло.

Рост церкви и гонения

Василий Александрович Пашков продолжал собрания в своих имениях в Нижегородской и Московской губерниях и распространял Евангелие среди населения. Управляющие его имениями и многие из служащих были верующими и продолжали служение и во время его отсутствия. Василия Александровича особенно занимала мысль объединить в одно братство рассеянных по всей России верующих различных наименований, держащихся Евангелия. Для этой цели Василий Александрович разослал письма всем руководящим братьям, чтобы узнать от них основы их веры.

Хочу отметить интересный факт, что в то время, под влиянием проповедей некоторых немецких пасторов на юге России, а также благодаря «бибельштундам», то есть библейским чтениям (особые собрания для изучения Библии) в колониях меннонитов, некоторые русские, участвовавшие в таких собраниях и уверовавшие, стали образовывать кружки для изучения Слова Божия на русском языке. Их называли «штундистами», от слова «штунде» (по-немецки «час»).

На Кавказе и юге России, благодаря деятельности шотландца Василия Ивановича Мельвиля, распространившего Слово Божие, создалась благоприятная почва для проповеди Евангелия. Неумоимо странствуя по многим губерниям и отличаясь способностью подходить к разным народностям, населяющим Россию, Василий Иванович проникал в самые разнообразные слои обще-

ства. Он прибыл в Россию в 20-х годах XIX столетия, при императоре Александре I, и был свидетелем царствования трёх последующих императоров.

Благословенным свидетелем Христовым был ещё проповедник Деляков, персидский несторианец, который у себя на родине прошёл библейскую школу, основанную американцами. Он прибыл в Россию позже Мельвиля, успел познакомиться с ним и действовал в таком же духе, как он. Его настоящее имя было Каша (по-персидски «священник») Ягуб. Он был известен по всей России, был и в Петербурге, где познакомился с Василием Александровичем и другими братьями.

Через таких мужей Божиих пробуждение на юге России началось много раньше, чем в Петербурге, и эти два течения Василий Александрович стремился слить в одно. Помимо этих двух течений, образовалось ещё несколько русских общин баптистов, получивших своё начало через баптистов, прибывших из Германии. Они тоже были приглашены в Петербург.

На пригласительные письма последовали ответы с согласием, и 1 апреля 1884 года съехались более 70 братьев со всей России. К сожалению, съезд продолжался всего два дня. Радость общения была прервана по не зависящим от его участников обстоятельствам.

На третий день братское собрание должно было состояться у нас в доме, был приготовлен обед, но напрасно мать моя ожидала гостей. Только вечером узнали мы от одного из делегатов, брата-армянина, что все приезжие участники съезда рано утром были арестованы и

отправлены по месту жительства. Брату, передавшему все обстоятельства этого дня, удалось на одной из ближайших станций покинуть свой поезд и вернуться в Петербург. Этот съезд, по всей вероятности, послужил поводом к наступившим строгостям. Движение приняло слишком большие размеры, и правительство решило положить ему конец.

Вскоре после этого граф Корф был вызван министром юстиции, и ему было предложено дать письменное обязательство больше не проповедовать, никаких евангельских собраний не устраивать, не молиться своими словами и прекратить всякие сношения со штундистами и другими религиозными группами. В случае отказа дать требуемое обязательство, ему пригрозили высылкой за границу. Граф Корф отказался отречься от исповедания своей веры. Через два дня он должен был покинуть Россию.

Одновременно вызван был к министру юстиции и Василий Александрович Пашков, которому предъявили такое же требование. В сознании своего призвания быть свидетелем Иисуса Христа и своей ответственности перед Ним, он предпочёл изгнание ради Христа; его постигла участь графа Корфа.

Все эти братья приняли изгнание, как видно из письма Василия Александровича, написанного в Париже, вскоре после высылки из России. Копия этого письма на французском языке сохранилась среди его бумаг. Предполагают, что оно было адресовано русскому послу в Париже. Вот перевод этого письма.

Париж, отель «Ливерпуль», улица Кастиглион

Милостивый Государь,

Ваше письмо от 20 октября, адресованное в Англию, было переслано мне в Петербург. Оно пришло как раз в ту минуту, когда я получил правительственное уведомление об отказе в моей просьбе остаться на родине. Необходимость, по причине моего спешного отъезда, привести многие дела в порядок, заняла столько времени, что я не успел Вам тогда же ответить.

Письмо по ошибке попало в бумаги, оставленные мною дома, и я только недавно получил его в Париже. В ожидании своей семьи я временно живу здесь, пока не найду постоянного места жительства.

Вы желали получить объяснение того учения, которое русская печать без всякого основания называет «пашковским», а также несколько книг, изданных ныне запрещённым Обществом распространения духовной и нравственной литературы.

Если я не ошибаюсь, одна из наших друзей, Александра Ивановна Пейкер, переслала Вам несколько наших листовок или журналов. Из их содержания Вы увидите, сравнив их со Словом Божиим Ветхого и Нового Завета, что издательство этого общества строго придерживалось Божьих откровений и несло читателю Евангелие Господа нашего Иисуса Христа во всей его простоте и чистоте. Именно в этом нас и обвиняют, как обвиняли апостола Павла и всех апостолов.

Нашу проповедь мы ограничиваем исповеданием Иисуса Христа Бога и Спасителя, Который Един достоин всей веры и любви грешников, за которых Он отдал жизнь Свою. Он вместо них понёс наказание за грех и искупил их и благодаря этому Бог, Который есть любовь, и вместе с тем – справедливость, смог, оставаясь справедливым, всё же оправдать виновного. Не знавший греха, едиnorodный Сын Божий, принял природу человека, принёс Сам Себя в жертву за грех человека и тем исполнил волю Отца Своего. Он показал виновному человеку, далёкому от Бога, что любовь Бога к нему, добровольно удалившемуся, не имеет границ и превосходит человеческое разумение.

Был день в моей жизни, когда я видел себя осуждённым пред престолом Святого Бога, ненавидящего грех. Слово Его, по действию Духа Святого, достигло меня, пробудило мою совесть, и я теперь могу говорить об Иисусе Христе. Свет Слова, святого закона Божия, осветил потаённые углы сердца моего и показал мне глубины зла во мне, о существовании которых я не подозревал. Он пробудил во мне желание освободиться от греха, который связывал меня самыми разнообразными способами. Когда я нашёл в Слове Божиим, что Господь хочет со мной заключить новый союз, в котором Он обещает не вспоминать более моих грехов и преступлений и обещает Духом Святым вписать новый закон Свой в моё сердце, у меня пробудилось желание получить это прощение от Святого Бога и на личном опыте пережить освобождение от власти греха.

Всё это мне предлагалось как дар от Бога чрез личность Иисуса Христа, умершего за мои грехи и воскресшего для моего оправдания. Я принял Иисуса Христа своим Спасителем, в Нём я имею прощение грехов и искупление своей вины посредством крови Его. Залог того, что доверие моё не встретит разочарования, я нахожу в непоколебимом Слове Бога истины. Это даёт мне уверенность в спасении. Я знаю, что Бог во Христе Иисусе принял меня чадом Своим. Моё отношение к Нему – действительно как отношение ребёнка к Отцу. Я имею доступ к Нему во всякое время и на всяком месте. Он меня никогда не оставляет и отвечает на мои молитвы. Иисус всегда живёт Духом Своим в моём сердце и даёт мне ощутить Его благоволение и силу. Спаситель, Которого я имею, есть Спаситель живой и близкий, и о Нём говорю, и Его исповедую.

Вот «лжеучение», в котором меня обвиняют, – я его предоставляю Вашему суду...

В. Пашков

Жизнь в изгнании

Вынужденные покинуть свою родину и жить на чужбине, эти верные слуги Божии, хотя и на чужих «реках», не переставали возвещать Евангелие любви Божией во Христе Иисусе. Василий Александрович Пашков часто проповедовал во Франции, большей частью в миссии «Мак-Коль», и усердно распространял Священное Писание среди французов. Некоторое время он ездил по стране с верующим англичанином – в крытом фургоне, наподобие тех, в которых разъезжают цыгане, запряжённом парой лошадей. Народ собирался в большом количестве, чтобы, из любопытства, послушать своеобразных иностранцев, и таким образом получалась возможность многим рассказать о Спасителе. Бывал он также в Англии и иногда в Германии, где выступал вместе со многими известными проповедниками-евангелистами. Множество сохранившихся писем свидетельствуют о том, насколько его ценили и как желали его сотрудничества. Среди них много благодарственных писем от руководящих различными миссиями, например, от Хадсона Тейлора, основателя особенно благословенной миссии в Китае, от основателя Армии Спасения – генерала Бутса, от пастора Сайенса во Франции и других, которым он помогал средствами и личным участием в деле Божиим.

Только один раз Василий Александрович получил разрешение приехать в Россию на шесть недель, по случаю болезни его сына, заразившегося тифом. Мне

было тогда около 12 лет. В нашем доме шло вечернее собрание, и вдруг неожиданно открылась дверь и вошёл высокого роста, по моим тогдашним понятиям, старец, сразу приковавший к себе общее внимание. Все присутствовавшие в собрании встали. Никогда не забуду впечатления, которое произвела на меня и на всех присутствующих благоговейная молитва вошедшего. Казалось, он беседует с Богом близким и великим и, как бы видя Невидимого, произнёс: «Покажи им, что Ты можешь совершить в России через горсточку людей, полностью отдавшихся Тебе!»

Василий Александрович Пашков скончался в 1902 году. На его похоронах в Риме мы пели по-русски такой гимн:

Кто, кто сии и кем облечены
В светлые ризы снежной белизны?
Их уста хвалой полны,
Агнец их кровью омыл.

Все – это те, кого Христос призвал,
Все, за кого Он умер и страдал.
Он их спас и оправдал,
Агнец их кровью омыл.

Все, все за Агнцем вслед они пошли,
Все через скорбь великую прошли,
Но в Нём мир душе нашли,
Агнец их кровью омыл.

Наша милая тётя Гагарина, когда ей случалось бывать за границей, обязательно навещала Пашкова, где бы он не находился. Когда же он скончался, ей показалось невысказанно отпустить его без признака благодарности братьев и сестёр его родины. Итак, она предложила нам троим, её племянницам, поехать на похороны дяди (по жене Василия Александровича мы состояли в родстве с ним) как представительницам русских верующих. И мы поехали в Рим.

До сих пор вспоминаю с благодарностью Господу наше незабываемое путешествие. Под высокими кипарисами римского кладбища мы положили на могилу венок из ёлок, привезенный нами из России, – последний привет от его земной родины. Кроме членов семьи, верной его сотрудницы Наталии Николаевны Крузе и нас троих, присутствовали русский посланник при Ватикане и посланник при итальянском правительстве со своей женой, двое или трое друзей и несколько человек его домашних служащих.

Местный евангельский пастор сказал несколько слов на стих из Евангелия: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». При мыслях об этом далёком кладбище, мне приходят на память слова из Послания к евреям: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались...» И сколько в наши дни таких скитальцев! По милости Божией, многие из них уже могут петь припев того же гимна:

Агнец нас привёл в вышний Иерусалим
И Своей кровью омыл.

Мы пребудем вечно в небесной славе с Ним,
Агнец нас кровью омыл.

Много лет спустя я имела радость ещё навестить 94-летнего Модеста Модестовича Корфа в Швейцарии, а через несколько месяцев присутствовать на его похоронах в Базеле. Там я тоже могла принести привет, но уже не из России, железный занавес лишал этой возможности. Пальмовая ветка – прощальный и благодарственный привет небольшой группы русских верующих, проживавших в то время в Лозанне, заменила родную ёлку. Я её положила перед открытой могилой и, обратившись к присутствующим, напомнила им слова, которые мы так часто слышали от него: «Он жив!» На его надгробном камне могли бы стоять слова: «Для меня жизнь – Христос». Вся его жизнь, его личность и его свидетельство говорили об этом.

В продолжение всей своей изгнаннической жизни и до глубокой старости покойный брат не переставал трудиться для своего возлюбленного Спасителя. Деятельность Корфа протекала сначала в Германии, а потом в Швейцарии. Он тесно работал с известными в то время в Германии ратоборцами Христовыми. Многие из них принадлежали к высшим кругам, имели большие возможности для служения Господу и являлись для многих примером. Благодаря их мужественному свидетельству и вере много душ пришло ко Христу.

Генерал фон Фибан, основавший союз обращённых военных, вдова генерала Вальдерзее, в доме которой

часто говорил граф Корф, дочь фон Блюхеров, организовавшая воскресную школу в Берлине, и многие другие открыли путь для тружеников на ниве Господней в Германии. Как и у нас, им приходилось бороться с косностью, застывшей в обрядах религиозности. С этими воинами Господними выступал и наш брат – граф Корф. Благодаря его детской вере и искренней любви к Спасителю его везде любили, а его забота о душах ближних была неиссякаема.

Последние годы жизни Корф провёл в Швейцарии, где пользовался каждым представившимся случаем работы для Господа. Об одном из таких случаев я хочу рассказать. Однажды в Лозанне мы с нашим общим знакомым провожали Корфа на вокзал и, доведя его до перрона, распрощались с ним. Но, передумав, решили посмотреть, нашёл ли наш старый друг удобное место в поезде, чтобы в случае нужды помочь ему. Полушутя я сказала провожавшему меня: «Посмотрим, наверно, наш милый граф уже нашёл душу, которой он свидетельствует о Господе». И действительно! Проходя вдоль поезда, увидели мы в окне одного из вагонов профиль двух пассажиров, сидевших друг против друга в оживлённой беседе. Один из них был граф Корф, он держал в руке книжку, которую, очевидно, предлагал собеседнику. Так и было, он начал беседу и открыл в собеседнике брата во Христе. Он не терял времени, сознавая, что его остаётся уже немного! Таков был наш дядя Модя, как мы его называли.

Вспоминается мне ещё один случай из моих бесед с Корфом в последние годы его жизни, свидетельствующий

щий о чистоте его детской веры. «Теперь взгляды пере-
менились, – говорил он. – Я больше не понимаю, что
предосудительно и что нет, и знаю только одно: ты, Мо-
денька, не греши!»

Когда он за два дня до смерти сидел за письменным
столом и писал, сестра милосердия того дома, где он
жил, напомнила ему, что пора идти спать. На это он
ответил: «Ещё много работы остаётся сделать для Го-
сиода, и я её ещё далеко не закончил». В ту ночь он
почувствовал себя худо и через сутки перешёл домой
к своему Господу.

Мои родители

Несмотря на то, что два главных труженика на ниве
Божией – В. А. Пашков и М. М. Корф, по распоря-
жению правительства, должны были покинуть родину
и прервать свою работу, дело Божие продолжало расти
и крепнуть. Вражда со стороны властей увеличивалась,
притеснения продолжались и дошли до нашего дома.

Мой отец умер в 1881 году, вскоре после кончины
императора Александра II, по всей вероятности, вслед-
ствие потрясения от этого покушения и страшной смерти
любимого монарха. Мне в то время было всего шесть
месяцев. Мать много раз рассказывала нам, как отец на
смертном одре изо дня в день просветлялся. Видя, что
состояние его безнадежно, он сделал все необходимые
распоряжения и обо всём подумал, чтобы облегчить, на-

сколько возможно, нашей матери то тяжёлое положение, в котором она оказывалась после его смерти.

Также высказывал он желание, чтобы молодая воспитательница и учительница наших двух братьев, Наталия Владимировна Класовская, осталась навсегда при моей матери. «Она будет тебе хорошей и верной помощницей», – сказал он. Слова его действительно исполнились. До самой смерти моей матери она была верной поддержкой. Наша мать никогда иначе не представляла её гостям как «моя правая рука».

Предав с верою жену и детей попечению Господнему, наш отец мирно перешёл в вечность. Моя мать говорила, что она проводила его до ворот неба, так прекрасен был его переход.

Итак, моя мать осталась одна с пятью детьми. После отъезда Василия Александровича Пашкова собрания были перенесены из его дома к нам, на Большую Морскую 43. Вскоре после этого приехал к моей матери генерал-адъютант государя с поручением передать ей, что Его Императорское Величество желает, чтобы собрания эти прекратились. Мать моя, всегда заботившаяся о спасении души ближнего, стала сначала говорить генералу о его душе и о необходимости примириться с Богом и подарила ему Евангелие. Потом, в ответ на его поручение, сказала: «Спросите у Его Императорского Величества, кого мне больше слушаться – Бога или государя?»

На этот смелый вопрос не последовало никакого ответа. Собрания продолжались у нас, как и раньше. Моей матери

позже передали, будто государь сказал: «Она вдова, оставьте её в покое». Несколько лет тому назад я слышала из верного источника о плане сослать и мою мать, и Елизавету Ивановну Черткову, но, видимо, Александр III, не разделяя взглядов евангельских верующих, как богобоязненный человек, не хотел делать вреда вдовам. Таким образом в нашем доме собрания продолжались ещё много лет. В беззащитности и человеческой слабости этих двух вдов Господь проявил Свою силу, как говорит нам Слово Божие: «Сила Моя совершается в немощи». Или как апостол Павел говорит: «Когда я немощен, тогда силен».

Иностранные гости. Некоторые сотрудники

Посещение иностранных гостей было для нас большим благословением и радостью. Мы называли «братьями» и пасторов, и проповедников, и всякого истинного чада Божия. Ещё до высылки наших руководящих братьев приезжал в Петербург доктор Бедекер, посещавший и потом много раз Россию; посетил нас также известный своею жизнью веры и молитвы Георг Мюллер из Бристоля, которого называли отцом сирот. Он провёл в Петербурге несколько недель. Эти братья своим служением помогли русским верующим продвинуться вперёд в вере, показывая им из Слова Божия необходимость не только спасения, но и освящения.

Наших гостей часто удивляли детские вопросы русских верующих, но их радовали братские отношения, царившие между ними.

Георг Мюллер, как и большая часть иностранных братьев, гостили в нашем доме. Наш дом был построен итальянским архитектором и принадлежал прежде богатому владельцу копей на Урале. В доме было несколько больших зал с прекрасными паркетами наборного дерева, а потолки были разрисованы, как в итальянских дворцах. Этот дом предназначался для приёмов и балов, а соседний, принадлежавший Гагариным (а прежде тому же владельцу), – для жилья. Наши гости часто любовались нашим домом, и мать моя им всегда говорила: «Этот дом принадлежит Господу, а не мне, я только раба Христова, придверница, и радуюсь, когда могу открыть дверь чаду Божьему».

В одной из больших петербургских газет появилась статья с описанием наших собраний в немного насмешливом тоне. Написано было приблизительно так: «В доме княгини Ливен происходят своеобразные собрания. Впереди стоит пожилой англичанин и горячо говорит о чём-то на английском языке, а около него стоит молодая барышня и переводит на русский язык. Перед ними на стульях сидит публика самая разнообразная: тут княгиня, а рядом с ней кучер, потом графиня, дворник, студент, прислуга, фабричный рабочий, барон, фабрикант, и все вперемешку. Все слушают со вниманием, а потом встают на колени, обернувшись лицом к стулу, и молятся своими словами».

Пусть собрание и показалось корреспонденту смешным, оно всё же было наилучшим доказательством единства Тела Христова, «где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всё Христос». Что социальные и политические старания не могут достичь, то совершается просто и без усилий, когда Дух Господен вселяется в сердце человека.

Когда не было приезжих проповедников, собрания проходили с ещё большей простотой. Из образованных братьев почти никого не осталось. Граф Бобринский уехал в Тульскую губернию, в своё имение, и, хотя делал там много добра, в Петербурге больше почти не появлялся. Ивана Вениаминовича Каргеля пригласили быть проповедником в Финляндии. Когда он изредка приезжал, его слово всегда приносило большое благословение. Остальные братья не имели образования, и хотя они передавали нам истины Божии просто и благоговейно, точно придерживаясь Писания, всё же проповеди их часто оставались недостаточно понятными. Я помню случаи, когда какой-нибудь хороший брат, не сильный в грамоте, неправильно прочитывал стихи из Библии и на прочитанном стихе неправильно основывал свою речь. Но бывали и отрадные исключения.

Не забуду, как на воскресном утреннем собрании пожилой брат Пыпин, фабричный рабочий, вставал и, обращаясь к нам, выразил свою радость словами: «Дорогие братья и сестры, до пятидесяти лет я не умел ни читать, ни писать, но когда я познал Господа, то

научился читать, и теперь, слава моему Господу, я могу встать пред вами и прочесть вам чудные слова из Священного Писания». Прочитав несколько стихов, он затем передавал в коротких словах свою мысль, всегда ценную по содержанию, приносившую благословение слушающим.

Если не было образованных братьев, то было всё же немало получивших образование сестёр. Иногда им случалось сказать слово в собрании, у них были возможности служения в разных частных группах. Некоторые из них усердно изучали Священное Писание, пользуясь пособиями на других языках, и это обогащало их понимание Библии.

Одной из таких сестёр была Констанция Сергеевна Козлянинова. Она ежедневно проводила много часов над изучением Слова Божия, а потому была способна наставлять и других. Бывали известные вечера, когда она читала в кружке сестёр и, насколько я помню, на этот разбор Священного Писания приходили и некоторые братья. Мы, дети, также пользовались её познаниями. Помню, как она с нами проходила историю народа израильского в пустыне и объясняла пророческое значение скинии, собрания и жертвоприношений Ветхого Завета.

Одна из сестёр Крузе приходила по вечерам к нам и в большой «горнице» собирала наших девушек и других женщин вокруг Слова Божия. У Веры Фёдоровны Гагариной также бывали по четвергам, в укромной тихой комнате, молитвенные собрания в небольшом кругу сестёр.

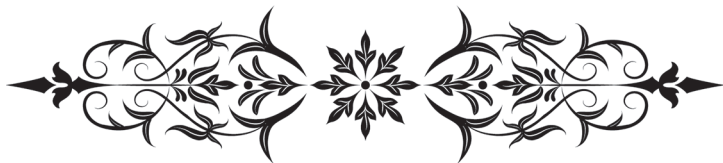

Александра Ивановна Пейкер работала в самых разнообразных общественных слоях. После закрытия журнала «Русский рабочий» она посвятила себя преимущественно деятельности среди молодых девушек из интеллигентных кругов. До сих пор случается встречаться с теми, кто с благодарностью вспоминает о часах, проведенных с А. И. Пейкер. Позже она часто помогала Павлу Николаевичу Николаи в его вечерних собраниях для студентов, объясняя им Слово Божие тепло, живо, ясно и оригинально. Павел Николаевич очень дорожил её сотрудничеством. В позднейшие годы она посвятила себя работе в больнице, основанной в Лесном графией Верой Борисовной Перовской под её непосредственным влиянием. Александра Ивановна всегда умела отыскивать калек и отчаявшихся людей, а также бедных и несчастных, которых устраивала в эту больницу. Наши братья нередко обращались к Александре Ивановне за объяснением непонятных им мест в Слове Божием, что она делала с готовностью и благословением.

Хочу отметить один случай из духовной работы Александры Ивановны Пейкер. Господь помог ей привести к Нему ослепшую Великую княгиню Александру Иосифовну, мать Великого князя Константина Константиновича. Александра Ивановна часто навещала в Мраморном дворце Великую княгиню, полную ропота на Бога за постигшую её слепоту. Великая княгиня любила слушать пение Александры Ивановны, а потом стала охотно слушать чтение и объяснение Слова Божия, пока наконец, приняв Господа, она не познала мир и радость спасения.

Однажды, когда мать моя лежала в больнице, Александра Ивановна принесла ей в утешение от Великой княгини карточку с написанным на ней стихом: «Ибо Он – мир наш...» Эти слова, написанные Александрой Ивановной, я всегда видела в Библии моей матери, они были ей поддержкой во всех её переживаниях.

Александра Ивановна Пашкова и её сестра Елизавета Черткова также дорожили дружбой и сотрудничеством Александры Ивановны Пейкер. Елизавета Ивановна Черткова купила дом на Среднем проспекте на Васильевском острове, у самой гавани, и построила там отдельный флигель с большим залом для собраний. Несмотря на строгость того времени, правительство оставляло собрания в покое.

Верность преследуемых

Иностранцам трудно понять Россию! С одной стороны, евангельских верующих преследовало правительство, но одновременно продолжались собрания на Большой Морской, в доме Пашковых на Выборгской и в некоторых других частных домах, и никто нас не тревожил. В то же время мы слышали о братьях, которых ссылали на Кавказ, и знали от д-ра Бедекера, который их там навещал, об их тяжёлом положении. Мы знали о Сибири и каторжниках, но нисколько не удивлялись той свободе, которой мы пользовались. В связи с этими воспоминаниями о ссыльных нужно рассказать и о графине Елене Ивановне Шуваловой, через ходатайство которой многие получили облегчение.

Граф Пётр Шувалов был начальником 4-го отделения, то есть стоял во главе Главного жандармского управления. Жена его, Елена Ивановна Шувалова, обратилась через проповедь лорда Редстока; это была умная и оригинальная личность. Внешне она не имела вида отдалившегося от мира человека, но внутренне была определённно Христова. Она любила братьев и сестёр во Христе и не стыдилась проявлять эту любовь пред людьми мира сего. Наши строгие руководящие братья, однажды найдя нечто предосудительное в поведении сестры, графини Шуваловой, постановили не допустить её к участию в вечере Господней. Елена Ивановна приняла это запрещение с полным смирением, пришла на собрание и спокойно сидела, когда чашу пронесли мимо

неё. После собрания она подошла к братьям и без малейшей обиды сказала им: «Хоть вы меня и не допустили участвовать с вами в вечере Господней, я всё же остаюсь вашей сестрой». По прошествии некоторого времени её снова приняли.

Как это не кажется странным, собрания проходили в его комнате – в подвальном этаже дома начальника Главного жандармского управления, хотя такие собрания правительством были запрещены. Кучер графини был верующим...

Сестра-графиня пользовалась своим положением, чтобы помогать преследуемым братьям-штундистам. В нужных случаях, подобно царице Эсфири, она просила мужа пригласить одного из необходимых ей высокопоставленных лиц. Во время обеда она, найдя удобный случай, обращалась к нему с просьбой об одном или нескольких ссыльных, об облегчении наказания или даже полном освобождении сосланных за веру братьев. И просьба её часто увенчивалась успехом. Без сомнения, высокопоставленные лица сами понимали, что арестанты, о которых Елена Ивановна ходатайствовала, не были преступниками.

Тут мне хочется передать то, что мне рассказал в Германии уже немолодой брат во Христе, проповедник. Во время политических перемен в Польше он был арестован и послан на принудительные работы на какую-то фабрику. Его сосед по станку оказался бывшим русским губернатором. Заметив, что его товарищ-баптист говорит по-русски, он обратился к нему и сказал: «Я сейчас

не понимаю, почему я, будучи губернатором, должен был арестовывать таких людей, как вы: мирных, приличных, честных, ничем не угрожавших порядку». Так часто люди следуют духу времени, не давая себе отчёта, чей это дух и кому он служит и, к сожалению, слишком поздно понимают, что они наделали.

Гости графини Шуваловой настолько привыкли к её постоянным ходатайствам, что однажды один из таких важных лиц, сидевший рядом с нею за обедом, спросил с улыбкой: «Ну что, графиня, сколько хотите от меня сегодня, одного или двух?»

Нам рассказали об одном интересном случае. В жаркий летний день по пыльной дороге тяжело шагала цепь арестантов, направляясь под конвоем в ссылку на Кавказ. Из столба пыли позади колонны вдруг появилась коляска с тройкой. Из остановившегося экипажа поднялся вице-губернатор той губернии, громко зовя: «Алексеев Савелий – здесь?» – «Точно так, Ваше Превосходительство!» – «Давай его сюда». Недоумевающий арестант сел в коляску рядом с вице-губернатором, тот крикнул: «Пошёл!» – и тройка умчалась от арестантов, продолжавших свой путь под палящим солнцем.

Оказалось, что из Петербурга пришёл приказ губернатору этой губернии – отправить арестанта Савелия Алексеева на Кавказ не этапом, а частным путём. Партия ссыльных уже покинула губернский город, но, чтобы не нарушать распоряжения столичного начальства, ссыльного догнали и доставили на ближайшую железнодорожную станцию. Впоследствии выяснилось,

что приказ был отдан по просьбе графини Шуваловой. Такой случай мог произойти только в нашей бывшей матушке России!

Много лет пробыв на Кавказе, этот «преступник за веру» добывал себе пропитание, работая по аулам сапожником. Его верная жена с дочерью последовали за ним в ссылку добровольно. Оставленный в Петербурге сын воспитывался у Веры Фёдоровны Гагариной. Вернувшись наконец в Петербург, Савелий Алексеевич Алексеев был впоследствии избран пресвитером второй евангельской общины и пробыл на этом посту до самой смерти. И дочь его, и сын были верными чадами Божиими.

До 1905 года вся жизнь общин верующих христиан протекала под неусыпным правительственным надзором и подвергалась всевозможным ограничениям. Так, например, брак, заключённый в евангельской общине, не признавался законным, а рассматривался как простая связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. В то время гражданский брак ещё не был введён, и положение молодых было чрезвычайно неприятным, а в глазах мира просто постыдным. Они с мужеством и верностью переносили этот «позор».

Печатание новых сборников гимнов долгое время не разрешалось, число же духовных песен всё увеличивалось; находились верные друзья, которые брались писать их от руки в большом количестве. Пишущих машин тогда ещё не было. В продолжение многих лет мы пользовались рукописными песенниками и вполне привыкли к такому примитивному изданию.

Число гимнов росло с каждым днём, часть из них были переводами с других языков, часть писалась русскими верующими. Одним из них был мой брат; к его гимнам моя сестра написала соответствующую мелодию. Все они впоследствии попали в печатные сборники.

Позднее Иван Степанович Проханов, много потрудившийся на ниве Божией переводами и своими собственными произведениями, увеличил число этих гимнов. Потом все они слились в один сборник под названием «Гусли», однако наряду с этим продолжали издаваться и другие сборники. Один из наиболее распространённых гимнов, особенно любимый Иваном Степановичем Прохановым, – «Радость, радость непрестанно...» перевела с немецкого языка моя старшая сестра, будучи ещё подростком.

Возвращаясь из заграничного путешествия, проездом в Берлине, мать наша пошла с нами в одно немецкое собрание, после окончания которого состоялась воскресная школа для детей. Там мы впервые услышали песню «Радость, радость непрестанно», и моя сестра сразу же решила перевести её на русский язык для детей петербургской воскресной школы. Наша воспитательница Наталия Владимировна Классовская уже давно начала эту школу. В одном только нашем доме было достаточно для неё питомцев. Времена были другие, и в нашем доме, считая нас и всех служащих с их семьями, жило около 50 душ. У дворецкого было семь детей, у одного из слуг двое, у дворника шестеро, у швейцара пятеро. В Гагаринском доме было пять детей, и, кроме того, приходили ещё со стороны, так что, в общем, набиралось до 30 детей. Мои

две сестры и я участвовали в этой работе. Помню, когда мне было около девяти лет, я уже вела класс девочек.

Мне не всегда удавалось объяснить слушательницам свою мысль. Помню, готовясь к Рождеству, я учила их песни «Вести ангельской внемли». Слово «весть» им казалось непонятным. Я постаралась привести пример и сказала: «Вот, если бы я вам сказала, что сейчас пройдут солдаты с музыкой (мимо нашего дома часто проходил военный оркестр и, подходя к памятнику Николаю I, недалеко от нас, начинал играть; дети со всей улицы при этом событии сбегались и следовали за оркестром), это было бы то, что называется вестью. Ну, а теперь скажите, что значит слово «весть»? Я получила дружный ответ: «Это значит, что солдаты проходят». Надеюсь, что впоследствии я умела лучше объяснять детям значение слов!

Моя вторая сестра руководила классом мальчиков. Они сидели перед нею на ступенях укромной, но светлой лестницы; так как классов было много, то они размещались, где и как могли. Среди её учеников был маленький белокурый мальчик Коля. Впоследствии он стал благословенным проповедником Николаем Ивановичем Пейсти. Работу свою на ниве Господней он начал, кажется, в Эстонии, в Финляндии, потом проповедовал в центральных губерниях России, затем в Маньчжурии, а оттуда перебрался в Соединённые Штаты Америки, где руководил миссией, и там же несколько лет спустя, после Второй мировой войны, отошёл к Господу. За несколько месяцев до смерти он навестил нас в Париже, где провёл ряд благословенных собраний. Во время этого приезда

он навел на дочь В. А. Пашкова, и я тоже имела радость быть при этой встрече и вспоминать былое.

Возвращаюсь снова на 50 лет назад! Проходили годы, с ростом движения появились новые работники на ниве Божией. Некоторые из них были из интеллигентных кругов, но и простые наши братья росли в вере и познании Господа и Слова Божьего, могли уже самостоятельно руководить духовной работой. Такими были Александр Иванович Иванов и Николай Иванович Долгополов, оба – пресвитеры. Они усердно и верно «блюли стадо», порученное им Господом.

Очень любили мы, когда на воскресном утреннем собрании появлялся Павел Николаевич Николаи. Его слово всегда было коротким, ясным, содержательным и оставляло глубокий след в сердце и памяти. Его друг, Александр Михайлович Максимовский, служивший при Государственном Совете, тоже иногда служил словом на этих собраниях. Своею жизнью, посещениями отдельных лиц и духовными беседами с ними он стал ценным свидетелем Господним.

Когда в эти годы Иван Вениаминович Каргель вернулся из Финляндии, он с женою и четырьмя дочерьми поселился у нас в доме, на нижнем этаже. Хотя он и поселился в Петербурге, всё же чрезвычайно часто отсутствовал. Не раз он сопровождал пожилого брата д-ра Бедекера в его путешествиях до самой Сибири.

Д-р Бедекер посещал тюрьмы как в Европейской, так и в Азиатской России, доезжал даже до Сахалина. Он раздавал Евангелия, Новые Заветы и брошюры, до-

зволненные цензурой, говорил заключённым о любви Божией, грехе, покаянии и прощении. Брат Каргель переводил его английские речи на русский язык.

Д-р Бедекер умел подходить к властям и обретать доверие правительства. Ему, как ни странно, не ставили никаких препятствий. Я думаю, что это частью объясняется его мудрым поведением. Он не собирал денег и воздерживался за границей от рассказов о том, что видел во время своих путешествий. Средства на поездки д-ра Бедекера щедро давали наши верующие, из которых некоторые были довольно состоятельными. Божья рука была над верным Его служителем, и Бог благословлял его. Ребёнком я не раз, когда у нас по утрам читалось Слово Божие, сиживала у него на коленях и всматривалась в его длинную, всегда чистую бороду, в которой пряталась тонкая нитка его пенсне. Он дарил нам, детям, картинки со словами из Библии, и мы любили их получать. Его любимые слова, которые он часто произносил по-русски, были: «Бог есть любовь». Ими он почти всегда приветствовал собрание.

Когда Иван Вениаминович Каргель возвращался из таких путешествий, многие приходили его слушать, и эти собрания были переполнены. Но были и небольшие вечерние собрания, на которых он наставлял братьев, а иногда совещался с ними. Помимо этого, Иван Вениаминович, во время своих наездов в Петербург, принимал участие в деловой работе общины, помогая братьям своим советом и опытом.

Братья по вере

В этом отрывке мне хочется поделиться воспоминаниями о некоторых братьях. В собраниях на Выборгской стороне одно время выступал молодой брат-баптист, отбывавший воинскую повинность в Петербурге. Его свидетельство о Христе было ясно и убедительно; при этом он был одарён прекрасным голосом. Молодёжь льнула к нему, и многим он помог найти путь спасения; все любили его и жалели, когда он уехал к себе на родину в Саратовскую губернию.

Лишь через много лет мне снова пришлось встретиться с этим милым братом С. По его похудевшему лицу и усталому виду было заметно, что он много перенёс, но слово, которое он нам сказал, было полно бодрости. Он взял стих из Второго послания к коринфянам: «Поэтому, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем...», причём особенно подчеркнул слово «такое». Он стал обосновывать, что служение словом и свидетельством славно и прекрасно, что в этом служении нет места ни унынию, ни утомлению. Наоборот, должно всегда радоваться возможности участия в нём. Эти слова навсегда запечатлелись в моём сердце.

Наш старший дворник Иван Ильич Р. был милейший и очень ценный человек. Мы по утрам, в половине девятого, собирались всей семьёй и с домашними на молитву. Из служащих приходили, кто мог и кого влекло сердце. Каждый день прочитывали одну главу из Библии, причём каждый, в свою очередь, прочитывал

всю главу или, бывало, только часть, после чего следовала свободная беседа. У Ивана Ильича почти всегда было что сказать, большей частью из пережитого.

Магазин, в котором продавались работы бедных женщин, находился, как я упоминала выше, в нашем доме. Однажды Иван Ильич рассказал, как он накануне беседовал с лакеем одной придворной дамы, приехавшей покупать бельё и детскую одежду для какой-то благотворительной цели. Лакей спросил его, принадлежит ли этот дом пашковцам. «Нет, – ответил наш дворник, – он принадлежит её светлости княгине Ливен». – «Да, но ведь она пашковка?» – «Нет, – снова возразил Иван Ильич, – я знаю только, что она христианка, а больше ничего». – «Что же это значит?» – спросил лакей. – «Ведь мы все христиане». Тут наступила возможность сказать ему об Иисусе Христе по Евангелию. В конце концов Иван Ильич спросил своего собеседника: знает ли он, называя себя христианином, что значит быть таковым, а также живёт ли он по Евангелию, имеет ли покой и радость в сердце и, прежде всего, верит ли словам Иисуса Христа, сказавшего, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Лакей в ливрее стоял и слушал, пока наконец из глаз его не покатались слёзы. Он с благодарностью принял Новый Завет, предложенный ему дворником-миссионером, и сел на козлы придворного экипажа. Возможно, что и придворная дама, в свою очередь, слышала от наших милых продавщиц слова о Господе и спасении грешников и задумалась над ними.

В другой раз Иван Ильич рассказал нам о своём разговоре с супругой генерал-адъютанта Р., к которой мать моя послала его с поручением. И эта высокопоставленная дама также была растрогана до слёз свидетельством верующего дворника. Мне помнится, как этот бесхитрый свидетель начинал свои повествования: «Господь позволил мне вчера чудно о Нём свидетельствовать». И это слово «чудно» выражало не сомнение или гордость, а просто радость данной Богом возможности Ему послужить.

Когда после многих лет дом наш был продан Итальянскому посольству, Иван Ильич остался там, поступив на службу к итальянцам. Интересно было слышать, как он, вздыхая, сетовал на безнравственность молодых дипломатов: «Ох, уж эта мне дипломатия!» – говорил он, отмахиваясь рукой, как бы от наваждения.

Когда тогдашний первый итальянский посланник, заменённый другим, собрался уехать в Италию, старшему дворнику, к которому они питали большое доверие, были поручены отправка багажа и всякие расчёты, связанные с этим, потому он оказался на вокзале при проводах своего хозяина (у него был титул герцога). Войдя в вагон попрощаться, Иван Ильич не мог сдержаться, чтобы не сказать уезжавшему посланнику несколько слов из Евангелия. Каким образом происходил этот разговор, для меня загадка, так как брат знал только несколько слов по-итальянски и по-французски, а посланник едва ли понимал по-русски. Несмотря на это у них завязалась настолько горячая беседа на самую возвышенную духовную тему, что ни посланник, ни старший дворник

не заметили, как поезд тронулся, и наш Иван Ильич в международном вагоне понёсся по направлению в Италию! Не знаю, на какой станции ему удалось сойти с поезда, но хочется надеяться, что итальянский посланник повёз с собою хоть какое-нибудь зёрнышко с небесной пажити!

Страдальцы за веру³

Случай, о котором пойдёт речь, взят из книги «От края до края земли», написанной И. В. Каргелем, сопровождавшим д-ра Бедекера в одном из его путешествий по Сибири. Случай имел место в Красноярске Енисейской губернии.

За несколько лет до этого путешествия, – так начинает свой рассказ И. В. Каргель, – Кирпичников, служащий в Нижегородском имении Василия Александровича Пашкова, арестованный за веру был сослан в Минусинск Енисейской губернии. Он поддерживал оживлённую переписку с петербургскими верующими. И Василий Александрович Пашков получил о нём в Париже неожиданно отрадные сведения.

В Париж приехал один еврей, который на собрании свидетельствовал о своём уверовании во Христа как своего Спасителя. Слушавшие это свидетельство поняли, что перед ними действительно чадо Божие. На вопрос,

³ Из воспоминаний И. В. Каргеля «От края до края земли».

где он уверовал, последовал следующий рассказ: «Я совершил путешествие с востока до запада Сибири. В одном месте вблизи тракта (большой дороги) отдыхала партия арестантов. Мне никогда не приходилось видеть в пути ссылаемых этапом. Они отдыхали и имели некоторую свободу. Отдельно от других, вокруг одного арестанта, сидела небольшая группа ссыльных. Моё приближение не помешало ему продолжать свою речь. Он рассказывал о том, как Слово Божие проникло в его сердце и открыло ему глаза на его греховное и погибшее состояние, и не давало ему покоя ни днём, ни ночью. Это заставило его обратиться к Господу с горячей молитвой о помиловании и прощении. Господь услышал его молитву, простил его, как некогда Давида, и он теперь не может молчать, но свидетельствует другим об этой благодати, и из-за этого свидетельства его сослали в Сибирь. Несмотря на это, он продолжал быть счастливым, так как во Христе получил всё. Я слушал, – рассказывал еврей, – смотрел на этого человека, и каждое его слово производило на меня впечатление, что он говорит правду. Глаза его излучали счастье и радость. Человек в цепях, сосланный в дикую местность, был радостен и смотрел безбоязненно в будущее. Для меня стало ясным, что это мог совершить только один Бог. Это сознание заставило меня задуматься о моей жизни и увидеть её греховность. Я стал молиться Богу о прощении, и мне открылся Христос как мой Спаситель, взявший на Себя мои грехи, и я получил мир с Богом».

Василий Александрович Пашков разговорился с ним и узнал, что арестант, о котором он рассказывал, был братом Кирпичниковым. Меня же В. А. Пашков просил, если я в сопровождении д-ра Бедекера попаду в Красноярск, непременно найти брата Кирпичникова, точно узнать обо всех обстоятельствах его жизни в ссылке и сообщить ему о духовном состоянии брата и всей его семьи. Так как семья Кирпичникова была одинокой и не имела общения с верующими, то моё посещение могло бы им послужить благословением и укрепить их веру.

Д-р Бедекер желал и сам принять в этом участие, но когда мы приехали в Красноярск и увидели, что Давидсон (представитель Библейского общества) с книгами ещё не прибыл, а пароход в Минусинск отходил в среду, то д-р Бедекер решился остаться и дожидаться Давидсона, а за время моего отсутствия навестить несколько мест заключения.

Всё, казалось, складывалось хорошо. Пароход должен был пробыть в Минусинске сутки – достаточно, чтобы навестить ссылного брата хоть на несколько часов. Кроме того, он мог бы со мной ещё проехаться на пароходе до Красноярска.

Тут Каргель описывает красоту поездки по могучему Енисею и пишет дальше:

Доселе всё шло соответственно нашим планам, но наш пароход прибыл в Минусинск с опозданием на 13 часов.

Я не поверил своим ушам, когда мне сообщили, что он, несмотря на своё опоздание, отойдёт рано утром по расписанию. Мне, таким образом, оставалось всего 11 часов времени, причём день уже склонялся к вечеру.

Имевшийся при мне адрес Кирпичникова был таков: Средняя Сушь близ Минусинска. На мой вопрос, как далеко до этого села, я получил ответ: около 50 вёрст. Дальше я узнал, что туда не шла почтовая дорога и что я туда смогу попасть только на местной подводе. Было ясно, что с этим пароходом мне не удастся вернуться обратно в Красноярск. Я временно оставил этот вопрос и занялся моей задачей. Скоро я нашёл возницу с парой хороших лошадей, который согласился отвезти меня в Среднюю Сушь.

Тут в книге опять следует интересное описание этой поездки и разговора с девятнадцатилетним возницей Григорием. С большим терпением Иван Вениаминович навёл его на духовные вопросы. Поначалу равнодушный, этот ничего не знавший молодой человек понемногу заинтересовался, потом вдруг надолго замолчал, а затем впал в сильную душевную тревогу, пока наконец ему не стало ясным, что его внутреннее беспокойство не что иное как стук самого Спасителя в его сердце. Когда брат Каргель ему это подтвердил, то он внезапно восторженно воскликнул: «Да, да, это Господь Иисус!»

Около трёх часов утра, – рассказывает дальше Иван Вениаминович, – увидали мы вдалеке Среднюю

Сушь. Через час мы подъехали к большому селу, но ни души не было видно, и некого было спросить о брате Кирпичникове. Лошади медленно шагали, пока мы наконец не добрались до главной улицы села. Тут мы увидели пожилого крестьянина, переходившего дорогу. На мой вопрос, где здесь живёт некий Кирпичников с семьёй, он сказал, что, насколько ему известно, тут человека с таким именем нет. Я ему рассказал печальную историю Кирпичникова и как он за свою веру был сослан сюда. Все письма адресовывались ему в Минусинск, Средняя Сушь, он их всегда получал и отвечал на них, так что он должен был жить здесь.

Старик стоял и думал. И вдруг словно луч света блеснул в его глазах. «Это, может быть, – сказал он, – тот, который хотел тут учить детей? И наш сельский сход выбрал его, да батюшка воспрепятствовал и принял все меры, чтобы удалить его. Фамилии его я не знаю, мы все его называли по имени-отчеству». Как я был счастлив, несмотря на всё тяжёлое, о чём рассказывал старик, всё же тут были следы брата, которого я искал.

«Будь добр, – сказал я, – скажи мне, где же этот человек, которого батюшка так ненавидит, в селе ли он ещё?» – «Нет, – ответил старик, – ему здесь после того не было житья, и он переехал в Верхнюю Сушь, там тунгусы, и я слышал, будто его там выбрали учителем». «Сколько же отсюда до Верхней Суши?» – спросил я. «От нас туда 40 верст», – ответил старик.

Тут я немного сокращаю описание, только упоминаю, что Иван Вениаминович решился всё же продолжать поездку, но хотел, согласно обещанию, отправить Григория обратно в Минусинск, к отцу. Тут случилось невероятное, чего брат Каргель никогда не смог забыть. Юноша взглянул на него с глубокой печалью и сказал: «Барин, вы не можете от меня уйти, и я не могу вас оставить!»

Когда мне не удалось найти никого, кто согласился бы доставить меня в Верхнюю Сушь, желание Григория сопровождать меня исполнилось. Когда лошади отдохнули, он поехал дальше со мною, своим новым другом и наставником. Но ещё примечательнее было то, что старый крестьянин, с которым они беседовали и который их пригласил к себе, пока лошади отдыхали, слушая разговор этих двух свидетелей Божиих, был сильно потрясён. Он был эстонцем, слышал в юности Слово Божие, знал, что есть зло и добро, но не последовал добру. Тронутый до слёз, он исповедал всё пред Богом и людьми, и когда ему ясно пред глазами представилась спасительная рука Искупителя, он ухватился за неё и отдал Ему своё сердце. Он молился на своём родном языке, просил Господа о милости, о прощении всех его грехов и получил прощение и мир в тот же час. Спустя четыре часа мы пустились в путь и в пять часов дня добрались до Верхней Суши.

У Григория оказались там друзья. Он остановил лошадей перед их домом, чтобы я мог справиться, где живёт Кирпичников. Милые люди, тунгусы, оживи-

лись, когда я назвал его имя. Не было конца похвалам брату Кирпичникову! Но кто может представить моё разочарование, когда мне сказали, что его тут больше нет и он живёт в Минусинске. «Господи, – звучало во мне, – зачем нужно было мне напрасно ехать эти 90 верст и теперь обратно столько же, когда я мог бы повидать брата в вечер моего приезда в Минусинск?» – «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, – услышал я в сердце своём ответ Господа на свой вопрос. – Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших...» Теперь я понял, что вся моя поездка до самого Алтая была послана для спасения этих душ. Как неисповедимы пути Господни! Мы простились с Григорием, и я другим путём отправился в Минусинск.

Я приехал в Минусинск в субботу 5 июля, около десяти часов утра, – продолжает свой рассказ И. В. Каргель. Мой новый возница знал квартиру Кирпичникова и повёз меня прямо к нему. К сожалению, я застал дома только его жену с тремя детьми, он сам был в ста верстах от города. Хотя мы никогда друг друга не видали, моё посещение доставило сестре огромную радость. Оторванные внезапно четыре года тому назад от родного гнезда, они не имели с тех пор общения с верующими. Жизнь их проходила в тяжёлых условиях. Местные власти чинили им препятствия, не давали возможности получить работу, и они бедствовали, справляясь с нуждой лишь благодаря поддержке Василия Александровича Пашкова. Сестра Кирпичникова очень была огорчена, что муж её оказался в отъезде и не мог по-

видаться со мной; предпринять же новую поездку мне никак нельзя было. Я только смог передать ей слова утешения и ободрения от Василия Александровича и от себя, а прежде всего – от самого Господа, а через неё и брату в его тяжёлых испытаниях.

Вся в слезах, жена брата Кирпичникова рассказывала мне, как пересылали его в кандалах вместе с уголовными преступниками из тюрьмы в тюрьму и как он прошёл пешком весь путь от Томска до Минусинска. Большим утешением для брата были любовь и уважение ссыльных. Путь сестры с тремя малыми детьми, большей частью на свой счёт, был также полон трудностей. В Средней Суши их притесняли, и они вынуждены были переселиться в Верхнюю Сушь. Там он, правда, получил место учителя, но жалование было настолько мало, что прожить на него было невозможно. Летом же, когда школа закрывалась, брат ничего не получал. Брат Кирпичников был хорошим столяром и, надеясь найти работу в городе, обратился с соответствующей просьбой к начальнику Минусинского округа. Тот расспросил о его вере и отнёсся к нему очень благожелательно. Он очень жалел, что по закону не может дать ему разрешения на право жительства в городе и предложил ему сделать это на свою личную ответственность, чтобы высшие власти не заметили его переселения. «На таких условиях мы тут и живём, – продолжала сестра, – чтобы не привлекать на себя внимания, нам пришлось сохранить наш прежний адрес. Письма в Среднюю Сушь на наше имя передаются нам сюда». Таким образом я

наконец узнал причину моих, на первый взгляд, ненужных странствований.

Подобные случаи, вероятно, имели место в жизни многих верующих, но в Петербурге мало знали о том, что творилось в провинции. К тому же я в то время была ещё слишком мала, чтобы разбираться в том, что происходило. Позже, однако, когда мы стали подрастать, строгости уменьшились.

Мы всегда с большим интересом слушали «дедушку Бедкера», а также Ивана Вениаминовича Каргеля, когда они рассказывали о своих переживаниях и встречах с ссыльными на Кавказе или в Сибири. Эти ссыльные несомненно были «солью земли» и «светом мира» на нашей родине.

Сёстры во Христе

Когда мы были ещё детьми, к нам поступила на службу девушка – Аннушка. Она оставалась у нас много лет, у нас же и вышла замуж. Аннушка была сиротой и прошла через тяжёлое детство. Она отдалась Господу ещё совсем молодой и работала в белошвейной, откуда к нам и поступила. Она рассказывала, как работницы из мастерской по вечерам собирались со своими друзьями на спиритические сеансы. Недавно уверовавшая Аннушка ещё не имела представления о том, что такое спиритизм,

но её чуткая христианская душа чувствовала, что здесь происходит что-то неладное, не Божье.

Уступая уговорам подруг по мастерской, Аннушка иногда бывала на их собраниях. Входя в помещение, она всегда молила Господа оградить её, и случалось, что как только она переступала порог их двери, все спиритические явления прекращались, и все старания участников возобновить их оставались тщетными. Нашей Аннушке стало ясно, что ей там не место, да и всем остальным участникам её присутствие стало нежелательным. С тех пор она навсегда порвала с ними и была глубоко убеждена, что тому, кто хочет следовать за Христом, не по пути со спиритами.

Аннушка хорошо знала Слово Божие, имела чрезвычайно ясные взгляды и понимание божественных истин. Люблю вспоминать, как по воскресеньям утром, когда мы оставались в постелях на полчаса дольше обыкновенного (это бывало летом в деревне), она, бывало, встанет у ног постели одной из нас и начнёт рассказывать что-нибудь из Библии. Особенно вспоминается мне, как она говорила о Давиде и всех его переживаниях. И хотя мы знали все эти библейские рассказы, она так живо и интересно умела передавать их, что мы с удовольствием слушали и с нетерпением ожидали продолжения в будущее воскресенье. Она первая, после того как я отдалась Господу, увидела во мне перемену и обратила моё внимание на то, что происшедшее во мне есть следствие Духа Божия. Аннушка была соратницей Господней; она в своём скромном призвании с верностью исполняла порученное ей Богом.

Вспоминается мне и другая сестра, старушка Аграфена. Она была старшей прачкой в Гагаринском доме, имела несколько помощниц и командовала в своей прачечной, как царица. Я в жизни не видала, чтобы утюг так быстро носился, как у неё, и всякое, даже тончайшее бельё, выходило из её рук в таком белоснежном, прекрасно выутюженном виде, что превзойти её, казалось, было невозможно.

Аграфена родилась ещё во время крепостного права, и кое-что рассказывала из того времени. Не знаю, в Петербурге ли или в каком-либо другом месте, она впервые получила Новый Завет. Читая его, она постигла истину о благодати Господа Иисуса Христа к грешнику и приняла её по вере и для себя. Аграфена немедленно стала говорить другим о радости спасения. С воодушевлением и мужеством ходила она к своим односельчанам и призывала их ко Христу. Вскоре она привлекла на себя внимание местного духовенства и несколько раз сидела в тюрьме за исповедание своей веры. Через её свидетельство многие в той местности стали искренними верующими.

До сих пор вижу её перед собой, за столом, с платком на голове, читающей большую Библию. Её старомодные очки поднимались и опускались вместе с морщинами на лбу от усилия, когда она по складам читала вслух стих за стихом. Иногда она прибавляла какое-нибудь своё замечание по поводу прочитанного, обыкновенно правильное и содержательное.

Летом, в белом ситцевом платье в чёрный горошек и белоснежном переднике, Аграфена, казалось, сама только

что вышла из-под утюга. Зимой она ходила в чёрном платье, неизменный передник был всё так же на ней, такой же белоснежный и накрахмаленный. Но на собрания она приходила всегда только в чёрном. Летом обычно весь дом, где служила сестра Аграфена, со всеми чадами и домочадцами уезжал в имение Веры Фёдоровны Гагариной. Там Аграфена по воскресеньям посещала жителей села, и все знали её как бабушку, зовущую всех ко Христу. «Голубушки мои милые» или «золотые мои», так она говорила, обращаясь к нам, и от души радовалась, заметив, что мы, три сестры, стали действительно верующими.

Шли годы, мой старший брат поступил на военную службу вольноопределяющимся – в Кавалергардский полк. Мальчиком он отдался Христу, но студенческие годы принесли в его душу сомнения, и он до некоторой степени отошёл от Господа. Однажды, будучи на военной службе, выходя как-то из нашего петербургского дома на Морской, он встретил у подъезда Аграфену Фёдоровну, старенькую, в чёрном пальто и чёрном шерстяном платке. Она, по старому русскому обычаю, глубоко поклонилась ему, а он, по присущей ему приветливости, мило ответил ей, и она обратилась к нему: «Милый мой, дорогой, Ваша Светлость, в мире ли вы с Богом?» – «Нет, милая бабушка, нет», – был ответ. «Ну, помоги вам Господь и благослови вас, дорогой мой, Ваша Светлость, Анатолий Павлович!» – последовал такой же поклон, и на этом они расстались.

Этот случай свидетельствует о том, как безбоязненны и верны были эти бесхитростные в своей вере чада

Божии. Ни место, ни классовые различия не были препятствием для главной задачи их жизни – приводить души к Христу. При этом воспоминании меня радует искренность моего брата, но ещё более радует меня, что он в последние годы своей жизни вернулся к «Начальнику и Совершителю веры» – Иисусу Христу.

Хочу забежать вперёд на несколько лет и рассказать о нашей Аграфене Фёдоровне. Было это в 1930-х годах. Тётя моя, княгиня Гагарина, уже была у Господа; дома, имения и всё прочее были национализированы. Мы, оставшиеся, жили очень скромно, и весь уклад жизни переменялся. Вдруг прошёл слух, что приехала бабушка Аграфена Фёдоровна. Мы не верили своим ушам, так как знали, что много лет тому назад она уехала на жительство в своё родное село Калужской губернии, и не знали, жива она или нет. И вот, действительно, видим мы ту же Аграфену Фёдоровну, в таком же ситцевом платье и белоснежном переднике, как и прежде, шагающую с палочкой по дороге нашего села, как будто в мире ничего не переменилось. Все радовались видеть бабушку, и мы решили общими силами устроить в её честь праздник, «вечерю любви».

Собравшись вокруг накрытого стола, мы слушали её интересные повествования о её домашней жизни и путешествии к нам. Последнее заняло от восьми до десяти часов, включая сюда и путь, пройденный пешком, и проезд по железной дороге. Самое при этом замечательное было то, что у неё в кармане не было ни копейки денег; но ни это обстоятельство, ни преклонный возраст (ей в

то время было больше 75 лет) не помешали ей предпринять это путешествие. Ей хотелось услышать, как нам живётся и как мы пережили пронесшиеся над нами бури. Недолго думая, она пустилась в путь, положившись всецело на помощь всемогущей руки Господней.

Дойдя до железнодорожной станции, Аграфена Фёдоровна увидела группу солдат, ожидавших поезд. Она сразу же стала им говорить о Спасителе. Её свидетельство было встречено насмешками, но потом они стали дружелюбнее, и, когда поезд подошёл к станции, где бабушке нужно было пересесть на поезд другого направления, солдатики помогли ей вылезти и затем поручили её начальнику станции, прося его посадить её в нужный поезд и разрешить проехать бесплатно до места назначения.

Так Аграфенушка доехала до нас без всяких затруднений. Её свидетельство о Божьей помощи и Его заботе послужило многим ободрением и примером. Праздник закончился благодарственной молитвой и песнями радости и хвалы. Аграфена Фёдоровна намеревалась вернуться таким же образом, как и приехала, но нам было ясно, что теперь Бог через нас поможет ей. Навестив всех, кого хотела, бабушка отправилась домой.

Проводить бабушку на железнодорожную станцию пришла почти вся наша местная община верующих, пришли её прежние друзья и сослуживцы. Бабушку Аграфену Фёдоровну мы проводили с большим почётом, пожелав ей Божьего благословения, сознавая, что видим её в последний раз на этой земле.

И. С. Проханов и община

Такие братья и сёстры были «Божьей нивой, Божьим строением», как выражается апостол Павел. Одним из таких видных соратников был Иван Степанович Проханов, чьё имя тесно связано с русским евангельским движением. Он появился в Петербурге в 1893 и 1895 годах. Я впервые увидела его в нашем доме, когда он ещё был студентом Петербургского технологического института. Иван Степанович уже тогда был верующим. Мне помнится, что он тогда приехал из Америки и казался мне, 13-летней девочке, окружённым каким-то особым ореолом великих знаний. Он редко бывал у нас, его деятельность протекала в другой части города – среди братьев, которые собирались в небольших частных помещениях. Иван Степанович происходил из молоканской семьи, жившей на Кавказе, и, уверовав, принял крещение по вере и стал членом баптистской общины.

Может быть, некоторые незнакомы с тем, что из себя представляют молокане. Это одна из ветвей евангельского вероисповедания. Они уже давно отделились от Православной церкви. Их члены клали в основу своей жизни Священное Писание и вели примерную жизнь, но, со временем, застыли в своём богословском понимании. Молокане держались вдали от инаковерующих и на всех других смотрели как на «недоверов». Они могли далеко за полночь, а то и до восхода солнца, спорить о каком-нибудь библейском слове или понятии. Роста же духовного, вследствие недостатка соответствующе-

го духовного питания, они не имели и потому целыми группами переходили в церкви баптистов.

Однажды молодой брат-евангелист был послан для служения в общине, находившейся в другом городе, недалеко от которого жила группа молокан. Движимый братским чувством, брат М. пошёл к руководящему молоканской общины, чтобы ему представиться. Встреча была своеобразна, и я хочу вкратце её описать.

Несколько пожилых мужчин в длинных чёрных кафтанах и с длинными бородами, со строгим выражением лица, вышли навстречу молодому брату, но никто с ним не поздоровался, пока не появился староста общины, по виду старше всех, и поклонился. Вслед за ним поклонились и все другие, но никто брату не подал руки. Когда все вошли в помещение и сели, указали место и брату М. После того начался настоящий духовный «допрос». По милости Божией, наш молодой брат без смущения и стеснения ответил на все вопросы. Серьёзные мужи, как видно, не нашли ничего предосудительного в его исповедании веры, но в заключение староста, обратившись к нему сказал: «Ты как будто неплохой молодой человек и хорошо знаком со Священным Писанием, но всё же ты волк в овечьей шкуре». Этим кончилось их знакомство, и, насколько я помню, его отпустили без рукопожатия.

Наш милый брат М., которого я хорошо знала, рассказал нам всё это с доброй улыбкой. Он исполнил свой долг и обогатился новым жизненным опытом.

Ещё несколько слов о молоканах. Они в своих собраниях поют исключительно Псалмы или читают нараспев

целые страницы из посланий святых апостолов. Я на их собраниях не бывала, но говорят, что это пение производит глубокое впечатление богодухновенностью слов и проникновенностью веры поющих. Слово Божие знали они хорошо, отличались честностью и нравственностью, так что их в то время в России ценили и часто ставили на ответственные места.

Брат Проханов был исключительно одарённым организатором. Он сумел, ещё до указа о свободе совести, добиться разрешения напечатать новые сборники гимнов и издавать журнал «Христианин». Он с большой лёгкостью переводил духовные песни из других языков на русский и сам написал немало стихотворений как для журнала, так и для пения. Некоторые из них были хороши по форме и содержанию, например, «О образ совершенный, пример мой вечный Ты...».

До тех пор верующими руководили простые, малообразованные братья. Они строго наблюдали за жизнью общины, добросовестно и серьёзно относились к своему ответственному служению. Ни питьё вина, ни курение не допускались. Это было одним из условий вступления в церковь; требовалось также удалить из дома иконы. Сестрам предписывали скромно одеваться и не носить украшений.

Нужно признаться, что, как бывает в каждом религиозном движении, новообращённые, в стремлении выразить свою первую любовь, подчас переходили границу благоразумия. Увидев в свете Слова Божия некоторые неправильности, попускаемые господствующей церквю-

вью в исповедании веры, они стали огулом отвергать всё и считать всё лжеучением. Не удивительно, что такие действия новообращённых возмущали местное население, и к властям начали поступать жалобы на «еретиков». Однако нужно быть снисходительными к этим простодушным «детям». Они, читая Слово Божие, восприняли, что «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Поклонение изображениям противоречит слову Божию и потому становилось для них греховным. В силу таких убеждений они, естественно, не могли допускать хранения икон у себя. Строго говоря, их взгляды по этому вопросу были правильны, но им не хватало мудрости при проведении их в жизнь.

Вышеприведенные явления происходили преимущественно в деревнях. В Петербурге община была более просвещена и вела себя разумнее.

С благодарностью Господу вспоминаю, что в первые годы евангельского движения классовые различия не отражались на личных отношениях между верующими. Духовное пробуждение в Петербурге началось с высших кругов, Слово Божие, главным образом, проповедовалось в аристократических домах. Руководители движения были людьми образованными и культурными, но новообращённые не чувствовали этой разницы, ибо к ним относились с искренностью и братской любовью.

Когда же правительство обрушилось на первых руководителей движения и отправило их в ссылку, на смену им пришли люди, не слишком подготовленные к этому ответственному труду.

Состоятельные люди, в том числе и верующие, в то время обычно проводили лето в своих деревенских имениях. Дома на это время закрывали и собрания прекращали. Вот ещё один пример опасности богатства для верующего! Правда, отдохавшие в деревне не переставали и там работать для Господа и призывать ко Христу, но работа эта была непостоянной, ограниченной во времени. Простые же братья, напротив, работали круглый год, и в конце концов руководство общинной жизнью – выбор братского совета, приём новых членов, отлучение отпавших – полностью перешло в их руки.

В первые годы, под влиянием живших тогда в Петербурге В. А. Пашкова, графа Корфа и графа Бобринского, среди верующих царила большая свобода взглядов, в том числе по вопросу вступления в церковь. Некоторые считали, что для принятия в церковь необходимо крещение по вере, как о том говорит Слово Божие: «Кто будет верить и крестится, спасён будет...» Другие же были мнения, что крещённому в детстве нужна только вера и духовное возрождение, и это различие воззрений не служило помехой их взаимному общению. Главное внимание обращалось на то, чтобы принимаемый искренно веровал в Иисуса Христа как в своего личного Спасителя и имел в себе свидетельство, что он действительно родился свыше. Если эти два требования оправдывались, то испытываемый принимался в общину и допускался к вечеру Господней.

С течением времени, однако, начала появляться некоторая разница. Иван Вениаминович Каргель и все по-

сещавшие собрания в нашем доме держались последнего свободного направления, братья же, участвовавшие в других собраниях, держались первого, более строгого направления. К ним присоединился и брат Иван Степанович Проханов.

Указ о свободе совести

В апреле 1905 года государь Николай II подписал указ о свободе совести и евангельская работа получила законное признание. В рядах верующих евангельского течения по всей России царила неописуемая радость.

Я помню, как в апреле 1905 года, в утро светлого Христового Воскресения, в доме 43 на Большой Морской улице, в нашем Красном зале, пред многолюдным собранием, моя мать с сияющим лицом сказала, что имеет передать всем братьям и сестрам великую радость. Громко и отчётливо брат Одинцов прочитал царский указ, излагавший подробности даруемой нам свободы веровать, как каждому позволяет его совесть. Собрание пало на колени, и со слезами радости, каждый, кто как умел, благодарил Господа за этот неоценимый подарок.

С этого времени проповедь Евангелия получила полную свободу. Разрешены были и браки между верующими, которые совершались пресвитером евангельской общины. Такой брак теперь считался правительством законным, со всеми вытекающими отсюда последстви-

ями. Общины должны были выработать устав и указать своё наименование, после чего им давалось право существовать и организовываться. Таким названием евангельского течения стало Союз евангельских христиан.

Иван Степанович Проханов обладал необыкновенными организаторскими способностями. Он выработал и объединил устав, в котором изложил сущность евангельского вероисповедания. Все разбросанные по стране общины объединились в Всероссийский союз евангельских христиан. В каждой губернии существовал братский совет с пресвитером во главе или просто руководящим братом, который находился в губернском городе. Этот совет наблюдал за общинами, разбросанными по деревням данной губернии, и руководил их работой. И. С. Проханов издавал журнал «Христианин», который получил широкое распространение среди членов Союза и способствовал их объединению.

Наша мать, по целому ряду обстоятельств, всё меньше оставалась в Петербурге и всё больше проживала с нами в деревне. Руководство собраниями в нашем доме целиком перешло в руки Ивана Вениаминовича Каргеля.

Понемногу стало выясняться, что община, руководимая им, несколько отличалась от общины Ивана Степановича Проханова. Брат Каргель стремился, главным образом, углубить верующих в познании Господа и Его Слова, а брат Проханов призывал своих членов к деятельному участию в общинной жизни: он организовал союз молодёжи, хор и прочие служения.

Однажды мы узнали, что община, руководимая Иваном Степановичем, стала называться 1-й общиной, а руководимая Иваном Вениаминовичем Каргелем – 2-й общиной, после чего они продолжали существовать уже независимо друг от друга. Примерно в это время среди духовных работников выделился проповедник Василий Андреевич Фетлер. Его проповеди привлекали большое количество слушателей и зажигали сердца. Среди собраний с его участием нужно отметить проходившие в зале Петербургской городской думы. Брат Фетлер говорил и в нашем доме – как помощник брата Каргеля. Больше же всего он выступал в зале Елизаветы Ивановны Чертковой в гавани. В это же время он создал на Петербургской стороне так называемый «Дом спасения», приспособленный для больших собраний.

Теперь хочу вернуться к более раннему времени и рассказать о двух начинаниях, имевших свою духовную ценность. Оба они начались около 1895 года. Одно было – работа среди студентов, а другое – среди девушек.

Работа среди девушек

В нашем доме по воскресеньям собирались девушки, а потому я могу подробно рассказать, как это дело началось. Господь прежде всего начал работу с нас самих.

Мы, будучи детьми верующей матери, воспитывались в вере и Слове Божиим и считали себя овечками доброго Пастыря, Иисуса Христа. Окружённые любовью, под постоянным христианским влиянием и вдали от искушений внешнего мира, мы не имели случая впасть в грубые грехи, хотя о малых нечего и говорить, конечно, их было более чем достаточно. Благодаря этому, у нас, или, вернее, у меня, не было сознания греховности.

Однажды моя мать после молитвы задала мне непонятный вопрос: «Имеешь ли ты Духа Святого?» Мне в то время было около четырнадцать лет. Я не смогла ей ответить, и я надеялась, что мать больше не будет меня об этом спрашивать.

Всё же этот вопрос не давал мне покоя, и каждый вечер, когда перед сном я молилась одна, я просила Господа, чтобы Он мне открыл, что такое Дух Божий, и, если нужно Его получить, то просила дать мне Его. Целый год я ежедневно добавляла эту просьбу к моей молитве. Ответ пришёл неожиданный, и я лишь после уразумела связь происшедшего с моей молитвой.

Снова наступило лето, и мы опять оказались в деревне. В пятнадцать лет у девочки уже начинают проявляться новые черты характера, иногда и некоторая строптивость. Нечто подобное, очевидно, заметила во мне и на-

ша милейшая воспитательница Наталья Владимировна Класовская, так как она вызвала меня на «серьёзный разговор». Искреннее чадо Божие, она была и прекрасным педагогом. Она не преувеличивала моих ошибок, но точно называла их своими именами; этим она меня обезоружила, и так как оправдаться было нечем, я рассердилась. На мои возбуждённые и раздражённые слова Наталья Владимировна спокойно ответила: «Я вообще не вижу в тебе христианского духа, так чадо Божие не поступает».

Самолюбие, гордость и строптивость взбунтовались во мне, и я старалась оправдаться, но не могла. В это время вошла моя мать и, увидев моё возбуждённое состояние, предложила нам помолиться. Молитва матери меня подкосила. В детстве молишься легко и просто, часто повторяя одни и те же слова, не придавая им значения. А в этот миг я осознала, что моя мать действительно говорит Богу обо мне. Нужно было принять решение!

Я знала, от меня ожидают, чтобы я сама попросила прощения сначала у Бога, а потом и у Натальи Владимировны. Всё моё существо восставало против этого, но благодать Божия взяла верх, и я покорилась. Только решившись встать на колени, я почувствовала всю глубину моей греховности, не в тех согрешениях, из-за которых меня позвали к ответу, но во всём моём существе. Вместе с этим я впервые оценила величие и милость жертвы Христовой на Голгофском кресте. К Богу великому и святому я не посмела бы приблизиться, но тут я увидела крест Христов, куда всякий грешник имеет право подойти со всей ношей своих грехов.

Как только я начала молиться, вся тяжесть спала с меня, и я получила внутреннюю уверенность в том, что прощена и принята Господом. После этого мне нетрудно было просить прощения у матери и у воспитательницы, всё незнаваемо переменялось. Моя мать тут же спросила меня, уверена ли я, что Господь меня простил, и я с радостью смогла ответить: «Да, я знаю!» – «Тогда встань ещё раз на колени и поблагодари Господа», – сказала мать. Так я и сделала. Моя мать поступила очень мудро. Высказанною благодарностью я как бы подписала мой союз с Господом, и путь к сомнению или отступлению был отрезан.

Это был решающий час моей жизни. Подобно стрелочнику на узловой станции железной дороги мне нужно было выбрать направление жизненного пути. Господь помог мне в этом, и теперь только оставалось пуститься в путь. Уверенность в прощении и в праве подходить к Богу свободно и просто – как к Отцу, по Слову Его: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими...» – дали мне совершенно новое мирозерцание. Всё это совершает Дух Святой в сердце того, кто приходит к Богу в покаянии и с верою в слова Христа: «Приходящего ко Мне не изгоняю вон...» Это и есть рождение свыше, о котором говорил Иисус Никодиму в третьей главе Евангелия от Иоанна. Тогда и Слово Божие становится ясным, понятным и интересным! Узнаешь себя в притчах 15-й главы Евангелия от Луки, и слова Священного Писания то укоряют тебя, то ободряют, и хочется передать другим свою радость. Из этого рождается желание делать что-нибудь для ближ-

них. Дух Святой может вселиться в сердце человека, лишь когда крепость себялюбия и скрытого упрямства сломлена и сложена к ногам Господа, а это может совершиться только при согласии самого человека.

Обе мои сестры пережили в то же время нечто подобное, и осенью мы вернулись в город, полные желания трудиться для Господа. Мы снова взяли за воскресную школу и раза два в неделю навещали женщин Коломенской мастерской, но всё же хотелось ещё больше делать для спасения грешников.

Новое поприще открылось нам неожиданно. Одна верующая американка, приехавшая посетить кружки Христианского союза молодых девушек среди немцев, живущих в Петербурге, посетила нас и спросила, почему не существует подобной работы среди русских. На это мы ответили вопросом: «Кто же будет её вести?» – «Да вы же сами и будете вести её», – ответила сестра-американка. Она дала несколько указаний, уверила нас, что с Божьей помощью всё пойдёт хорошо, и мы, правда, со страхом и трепетом, принялись за работу. В нашем доме места было достаточно, по воскресным дням послеобеденное время было свободно, и мы пригласили несколько знакомых нам девушек, большей частью дочерей верующих родителей, из которых многие принадлежали к семьям наших домашних служащих. Понемногу стали присоединяться и другие.

Одна немолодая девушка, баронесса Засс, недавно обратившаяся, согласилась помогать в этой работе. Её обращение было чрезвычайно своеобразно. Из чтения

Библии, без всякой посторонней помощи, ей стало ясно, что грешник, веря словом Господа Иисуса Христа, может прийти к Нему и получить прощение грехов. Она так и сделала, пришла к Нему с верою, исповедала Ему свои грехи и получила уверенность и радость спасения. После сего она приехала в Петербург. Читая дальше Священное Писание, она поняла, что должны, кроме неё, быть и другие, понимающие эту Благую весть, но где их найти? Часто, стоя у окна своей комнаты, просила она Бога помочь ей найти сестёр, которые бы тоже любили Христа и читали Его Слово. Не зная, где их найти, она стала обращаться на улице к городovým, спрашивая их, не знают ли они такого места, где собираются для чтения Евангелия. Наконец нашёлся один, который указал ей такое место, где она впервые встретила верующих, любивших Господа и читавших Его Слово. Таким путём она попала к нам.

Неопытные и робкие, мы начали эти собрания, но, с помощью Божией, дело пошло вперёд. Мы, две мои сестры, Юлия Александровна Засс и я, поочерёдно вели собрания, на которых читали и разбирали Слово Божие и разучивали духовные песнопения на три голоса. Музыкальною частью руководила одна из моих сестёр. За чаем мы ближе познакомились с нашими девицами, и часто получались благословенные беседы. Эти послеобеденные воскресные часы остались незабываемыми для всех участников. Ведь это были дни первой любви к Господу!

Спустя несколько лет, по предложению нашей тётки Елизаветы Ивановны Чертковой, мы через воскресенье

начали также собираться в её новом зале собраний в гавани, в самом конце Васильевского острова. Милая Елизавета Ивановна угощала нас чаем, снабжала всем необходимым, а иногда и сама появлялась у нас и участвовала в служении словом. Благодарная и приветливая, хотя уже пожилая, она излучала любовь и радушие, одним своим появлением вносила нечто от Духа Христова. Её простое и сердечное слово проникало в сердца слушающих.

Довольно далёкая прогулка от нас до гавани, новая обстановка, встреча с новыми девушками доставляли нам много радости. В то же время у живущих в том конце города была возможность участвовать в этих собраниях, которые мы называли «девичьими».

Мне до сих пор памятно, как милая Елизавета Ивановна на одном из собраний смиренно призналась, что в то утро её сердце было холодно и пусто, и она не знала, что сможет сказать нам, юным девушкам. Взяв в руки английский христианский журнал, она нечаянно увидела статью о том, как пророк Илия во время засухи и великого голода, по приказанию Божию, скрывался у потока Хораф. Там он пил воду из потока, а вороны приносили ему утром и вечером хлеб и мясо. В статье говорилось, что так Бог иногда посылает нам Свои благословения на чёрных крыльях страдания.

Когда Елизавета Ивановна Черткова, с присущим ей теплом и проникновенностью, передала нам содержание этой статьи, одна из присутствующих на собрании, незнакомая слепая девушка, неожиданно встала

и воскликнула: «Это картина моей жизни!» Дрожащим голосом она стала рассказывать, как годами роптала на свою тяжёлую судьбу и как теперь осознала, что её слепота и есть те «чёрные крылья», которые посланы ей, чтобы познать Спасителя и Его благословение. Все были растроганы до слёз этим свидетельством, за которым последовали горячие благодарственные молитвы.

В этом зале впервые была спета на русском языке песня «Бог с тобой, доколе свидимся!» В 1904 году была объявлена война с Японией. Моя ныне покойная сестра поступила старшей медсестрой в отряд Красного Креста, отправлявшийся на фронт в Маньчжурию. В последнее воскресенье перед её отъездом мы решили устроить прощальное собрание. К этому случаю Александра Ивановна Пейкер перевела эту песню на русский язык и, по желанию наших девушек, мы воодушевлённым хором спели нашей сестре на прощание этот гимн. Не могу забыть, как на этом собрании Елизавета Ивановна рассказывала о нашей матери, ставя её в пример всем присутствующим. По её словам, она никогда не встречала человека, который так всецело искал бы прежде всего славы Господней и согласовывал бы с ней всю свою жизнь.

Наибольшей радостью для нас было, когда какая-либо из девушек решалась обратиться к Господу и получала радость спасения. Конечно, бывали и огорчения в нашей работе, но радостей было больше, и они покрывали все неприятности. Теперь я благодарю Бога, что Он в наши юные годы поручил нам это дело. Нас самих оно охранило от многого, что могло бы увлечь на иной путь,

научило глубоко вникать в Слово Божие и передавать его другим. Передавая же другим, и сам обогащаешься, и исполняется Слово: «Кто напоит других, тот и сам напоен будет».

Через десятки лет случилось мне далеко от родины встретить среди беженцев женщину, которая бросилась меня целовать и спрашивать, узнаю ли я её. Только услышав её девичью фамилию, я поняла, что эта молодая женщина и есть та Надя, которая посещала наши собрания. Она рассказала мне, как любила эти собрания, но призналась, что в то время истина ещё не была ей понятна. В тяжёлые мятежные дни, потеряв мужа, она с ребёнком бежала лесами и снегами в Финляндию. Придя в Выборг, не зная языка, она спрашивала себя, к кому ей идти, и неожиданно до неё донеслись звуки знакомого гимна, который пели прежде в нашем доме. Подойдя ближе, она попала в помещение, где происходило собрание. Здесь она снова услышала ту же «повесть старую» о любви Христовой к грешнику, и там её страдающая душа нашла мир у Спасителя. Теперь она благодарила Бога за всё и не жалела о своих потерях, потому что через них нашла счастье в Боге. «И всё же, – добавила она, – семя было посеяно в моём сердце там, на наших девичьих собраниях, и нужно было пройти через столько тяжёлого, чтобы оно смогло пустить корни и укорениться».

Такие отрадные случаи доказывают, что не всегда сразу являются плоды нашего посева и труда на ниве Господней, и потому не нужно терять мужества, а сеять в надежде!

Когда мы после 1905 года стали всё меньше бывать в Петербурге, евангельские общины настолько окрепли и разрослись, что сами начали работу среди молодёжи. Когда же мы окончательно покинули Петербург, поселившись в деревне, наши девушки присоединились к общему союзу молодёжи.

Работа среди студентов

Работу среди студентов начал брат Павел Николаевич Николаи: скромно, без всякого шума, но с сознанием долга и ответственности перед Господом. Он вёл её в продолжении многих лет. Павел Николаевич принимал участие в наших собраниях и был всеми любим, но работу по изучению Слова Божия со студентами вёл самостоятельно, без связи с общинной работой. Он приглашал студентов к себе на дом, и вначале желающих изучать Слово Божие находилось не много. Его целью было, знакомя молодёжь, в то время большей частью заражённую атеизмом, со Словом Божиим, приводить её к вере во Христа. Он не желал придавать этим библейским беседам сектантский характер или призывать к определённому вероисповеданию. Он хотел лишь приблизить слушателей к Слову Божию и заинтересовать его содержанием, предоставляя Самому Господу открыть путь ко Христу и жизни в Нём. Его задачей было показать им богатство и ценность всей Библии, начиная с Ветхого Завета.

В первые годы существования кружка правительство разрешало участвовать в нём только лицам неправославного вероисповедания. Студенты в то время находились под строгим правительственным наблюдением. Так, например, запрещалось собираться в частных квартирах даже небольшими группами – из опасения, что эти собрания могут иметь политический характер. Нарушителей этих правил строго преследовали, но эти обстоятельства не смущали Павла Николаевича, и он продолжал собирать протестантскую молодёжь. Господь благословил это начинание, и несколько человек из их среды, через чтение Слова Божия, которое «живо и действенно», нашли Его.

Одним из уверовавших был швейцарец, родившийся и выросший в России, другим был сын лютеранского пастора из южной России. Когда была дана большая свобода и православные получили право принимать участие в библейских собраниях, кружок стал разрастаться и пришлось искать большего помещения. Павел Николаевич время от времени снимал городской зал в Соляном городке и там читал студентам свои лекции.

Скромно, незаметно для всех, Павел Николаевич многим жертвовал, чтобы быть свободным для дела Божия. Он бросил службу при Государственном совете, затем продал свою парусную яхту, на которой так любил плавать по Финскому заливу, и многое другое. Он стремился к высшей цели, и Бог его благословлял.

В работе среди студентов ему помогал брат Александр Михайлович Максимовский, верное чадо Божие, многи-

ми в своё время не понятый. В последние годы жизни он был начальником Главного тюремного управления и на этом посту был убит террористкой (членом боевой организации партии социалистов-революционеров). Во время восстания 1905 года он временно ввёл меры строгости в местах заключения, чтобы защитить заключённых и охрану от кровопролитных столкновений, но мысль его не была понята, и это стоило ему жизни.

Несмотря на занимаемый им высокий пост, он часто поздним вечером навещал студентов в их убогих помещениях, чтобы беседовать об их духовных нуждах и запросах. Многие потом вспоминали его с печалью и глубокой благодарностью, видя в нём истинного христианина. А. М. Максимовский всегда был готов помочь материально, когда видел нужду, но не трубил пред собою, как делают лицемеры, и мы узнали об этом только после его смерти.

Когда работа среди студентов приняла большие размеры, Павел Николаевич познакомился со Всемирным христианским студенческим движением. Представители последнего время от времени приезжали в Петербург, чтобы поддержать новую ветвь своего союза и ближе ознакомиться с нею. Павел Николаевич переводил их доклады на русский язык. В личных беседах это было, конечно, некоторым затруднением, но приезжие гости всё же могли составить представление о психологии русского студенчества. Их поражал широкий кругозор русской молодёжи, которая могла охватить самые сложные философские учения, в то же время по-детски

наивно не понимая простейших истин Слова Божия и постоянно мучаясь сомнениями. И всё же, по милости Божией, некоторые пробивались к свету, или, точнее, побеждались Словом и Истиною.

Павел Николаевич Николаи был настоящим другом и воспитателем этих горячих, пылких, подчас неводержанных голов. Иногда он приглашал своих «сынков» на несколько дней в живописное имение Монрепо (Monrepos) под Выборгом в Финляндии. На лоне природы они читали Слово Божие, свободно обменивались мнениями, разбирали, с Божьей помощью, самые сложные вопросы. Близкое общение нередко превращалось в откровенную беседу, которая иногда кончалась исповедью и молитвой. Павел Николаевич старался воспитывать своих питомцев и в житейском смысле. Он ставил условием своим гостям привозить с собою полотенце и мыло, старался внушать им любовь к чистоте и опрятности, что казалось некоторым из них лишней тратой времени и буржуазным предрассудком. Учил он их и точности в исполнении обещаний и умению распределять время. Все эти правила многим из них были не по сердцу, взгляды и привычки «наставника» сообщали ему некоторый облик западника, а потому были им чужды. И всё же его любовь к ним превышала всё, и они платили ему взаимной любовью и искренно ценили его.

Наряду с деятельностью среди студенчества, началась работа среди курсисток, которую Павел Николаевич вёл в сотрудничестве с Александрой Ивановной Пейкер. Работа пошла успешно. Господь благословлял её. Начались

обращения. Одними из первых были три сестры Бреше, впоследствии много трудившиеся для Господа. Вскоре была снята отдельная квартира, нечто вроде общежития, где они могли собираться для изучения Слова Божия, а некоторые могли и оставаться там жить. Необходимые для этой работы средства давали частью старшие сёстры в Господе, а частью – сочувствующие этому делу. В случаях особо острой нужды обращались к «испытанному источнику»: Вера Фёдоровна Гагарина всегда широко и безотказно откликалась на эти просьбы.

В ведении собраний и в руководстве изучения Слова Божия, кроме сестёр Бреше, участвовала и Александра Николаевна, одна из семи сестёр Крузе. Глубокий знаток Слова Божия, она была проникнута любовью Христовой и жила в общении с Ним. Иногда её приглашали в студенческий кружок. Также очень ценили Александру Ивановну Пейкер, её способ изложения привлекал внимание молодых студенток и побуждал их задумываться над смыслом бытия, над вопросом, столь чуждым широким массам студенчества того времени.

В эти годы Россию посетил, по приглашению Павла Николаевича Николаи, известный работник среди студенчества, американец Джон Мотт, секретарь Всемирного христианского студенческого союза. По приезду в Петербург он говорил и у нас, на собрании на Большой Морской. Такие посещения оживляли нашу общину и укрепляли связь с верующими других стран.

Вскоре студенческие кружки стали создаваться и в других университетских городах России. Это движение

захватило также местную интеллигенцию, среди которой образовались самостоятельные кружки, где читалось и изучалось Слово Божие. Эти ответвления церкви, существуя как бы вне рамок евангельских общин, находились всё-таки в духовной связи с ними, взаимно обогащая друг друга. Небольшие группы друзей, менее открыто показывавшие интерес к евангельскому пробуждению, вследствие своего стояния вне общины, имели доступ к чуждавшимся так называемого сектантства. Они тоже несли чистое Евангелие и, таким образом, производили подготовительную работу.

Из таких друзей состояла семья барона Пистолькорса, на квартире у которого происходили благословенные собрания с чтением Слова Божия. Эти собрания, между прочим, посещал известный в то время священник Григорий Петров. Одной из них была и Ольга Христиановна Каменская, открывшая в одном из рабочих кварталов зал для евангельских собраний, на которых обыкновенно выступала Александра Ивановна Пейкер, а часто и приезжие иностранцы. Дочери Василия Александровича Пашкова пели на этих собраниях дуэтом духовные песнопения, и их задушевное искусство находило доступ к сердцам слушающих.

Заключение

Революция положила конец евангелизационной работе, но Союз евангельских христиан за время своего существования настолько разросся и окреп, что стал теперь Всероссийским союзом, и уже не было возможности его заглушить. После 1917 года были основаны две библейские школы. Евангельские христиане имели свою в Петербурге, а баптисты – в Москве. К сожалению, вскоре обе школы были закрыты, но живые свидетели остались, и чем больше они рассеивались, тем сильнее распространялась весть о спасении по благодати. Как сказано в Деяниях апостолов, «рассеявшиеся ходили и благовествовали слово».

Прежде чем закончить эти воспоминания, мне хочется немного сказать о плодах работы среди студентов, следы которой мы видим здесь, вне границ России, даже по сей день, почти сорок лет спустя.

Один из членов петербургского христианского студенчества – профессор Шларб уже в зарубежье был, в продолжение многих лет, деятельным сотрудником брата Крекера, основавшего в Германии миссионерский союз «Свет на Востоке». Этот союз имел своей целью распространение Слова Божия среди русских в рассеянии. Брат Шларб и поныне, несмотря на преклонный возраст, продолжает трудиться для Господа. В его квартире еженедельно происходят молитвенные собрания для верующих, а по воскресеньям призывные, которые посещает и местная молодёжь. Кроме того, брата часто приглашают

окрестные верующие – для служения словом. Все члены его семьи – верные чада Божии, свидетели Господни там, где они работают.

Другой бывший член Петербургского студенческого кружка, известный всем русским евангельским верующим, Владимир Филимонович Марцинковский, уже много лет проживает в Палестине (Израиле) – на горе Кармил, где усердно трудится для Господа. Он обратился ко Христу ещё студентом и много работал среди своих товарищей по университету. По окончании университета он выступал во многих городах России с лекциями духовного содержания. В бытность свою профессором Самарского, а потом Московского университетов, он образовал студенческий кружок ищущих Господа. Брат Владимир Филимонович много перенёс ради Христа и в конце концов должен был покинуть Россию. В Палестине Владимир Филимонович изучал древнееврейский и арабский языки, на которых проповедует в собраниях. Брат стал деятельным членом местной русской евангельской общины.

Третий бывший участник Петербургского христианского студенческого кружка, Виктор Леонардович Бреше, отошедший в конце 1956 года к Господу, также ещё студентом принял Христа и стал деятельным работником среди своих товарищей. Будучи по паспорту швейцарцем, он должен был после революции, вместе с семьёй, покинуть Россию и поселиться в Швейцарии. На родине он чувствовал себя чужим и почти не участвовал в местной духовной работе. Но личный пример

его жизни и воспитание, данное им и его женой двум сыновьям, привели их к Господу, и теперь они работают на ниве Божией.

Старший из них, по образованию инженер, отказался от выгодной службы, целиком отдал себя работе для Господа среди французской молодёжи и организует кружки по изучению Библии как во Франции, так и в французской части Швейцарии. Второй сын, врач по образованию, посвятил себя миссионерской деятельности в Юго-Западной Африке, где заведует больницей для местного населения. Несколько лет тому назад я слышала его в Швейцарии, во время его отпуска, на одном из собраний. Он рассказывал нам о разных случаях из своей работы, и сердца наши преисполнились радостью и благодарностью Господу от слышанного. Новопостроенная больница стала ячейкой христианства, которая излучает свет Евангелия и жизнь Христову в стране ещё тёмной и далёкой от истины. Воспитанные им больничные служители, из обращённых чернокожих, научившись уходу за больными и ознакомившись с приёмами первой помощи, едут затем в родные деревни, находящиеся часто в лесной глуши, и там, вместе с уходом за больными, несут и врачевание душам. При серьёзных заболеваниях они призывают на помощь самого д-ра Бреше. Пользуясь такими обстоятельствами, доктор, помимо лечения, несёт им весть о Христе.

Среди этих первобытных людей заметно сильное искание истины, и это поддерживает рвение миссионеров. Нашедшие Господа язычники просят, даже умоляют

прислать им больше благовестников. Число верующих растёт с каждым годом. Если туземец обращается, то он действительно рождается свыше. Одни фотографические снимки уже говорят о полной перемене, – мы видим заново родившихся людей. Рассказы о мраке, царствующем там, о тёмных силах и ужасах колдовства, из-под власти которых многие вырвались на свободу и стали детьми Божиими, – это сильнейшее свидетельство и проповедь о силе Духа Святого и Евангелия.

И думалось мне, слушая рассказ д-ра Бреше, представляли себе Павел Николаевич Николаи, этот верный слуга Божий, что от скромного чтения Евангелия в его комнате произойдут плоды далеко за пределы России и даже Европы, до Азии и Африки.

Заканчиваю свои воспоминания словами из 49-й главы книги Бытия, где патриарх Иаков благословляет своих сыновей и, обращаясь к Иосифу особо, говорит: «Отрасль плодоносного дерева над источником, ветви его простираются над стеною...»

Когда человек или церковь, или дело Христово черпают силу из источника Божия, тогда ветви его простираются далеко за стену его семьи, круга и даже родной страны. Сатана бессилен остановить работу Господню и ограничить её пределы – «и врата ада не одолеют её».

Христианский журнал «Вера и жизнь» издается уже 42 года. Это совсем не малый срок для периодического издания. Он духовно поддерживал верующих в Советском Союзе в то время, когда быть христианином было небезопасно. Среди его благодарных читателей были не только наши отцы и матери, но и дедушки с бабушками.

...1974 год. Миссионерский союз «Свет на Востоке» пригласил Николая Александровича Водневского в Германию на ежегодную конференцию. К тому времени у него уже был семилетний опыт издания и редактирования христианской газеты. Когда речь зашла о возможной совместной работе, Водневский поделился своей мечтой издавать 32-страничный альманах, целью которого было бы распространение Евангелия и углубление духовной жизни верующих. Даже название для него уже было придумано – «Вера и жизнь».

В то время технические возможности миссии были весьма ограничены. Не было ни компьютеров, ни типографской машины, на которой можно было бы набирать крупные заголовки. На помощь приходила находчивость. Заголовки вырезались из различных газет и журналов советских времен: «Золотые россыпи» из «Правды», «Молодые порывы» из «Комсомольской правды», «Без труда – никуда» – из «Известий», «Великая правда» из журнала «Огонек». Эти заголовки-лозунги в духовном контексте приобретали иной смысл.

Конечно, журнал изменился. Другим стал и стиль подачи материала, и оформление. Теперь никто не вырезает заголовки из газет, все делается на компьютере. Увеличился авторский коллектив. Тираж журнала вырос почти в пятнадцать раз – с семи до ста тысяч экземпляров. Его читают в 70 странах мира.

Поддерживая своими пожертвованиями издание журнала «Вера и жизнь», вы тем самым становитесь миссионерами „второго эшелона“.

В конце XIX века среди аристократии в Санкт-Петербурге началось духовное пробуждение. Софья Павловна Ливен была свидетельницей и отчасти непосредственной участницей удивительных событий. В своей книге она подробно рассказывает о том благословенном для России времени. Министр внутренних дел Российской империи граф Алексей Бобринский, ревизор при царском суде граф Модест Модестович Корф, полковник царской гвардии, один из богатейших дворян России, Василий Пашков, дочь министра юстиции княгиня Наталья Федоровна Ливен и многие другие представители русской знати, уверовав в Иисуса Христа, словом и делом начинают служить своему народу. Их дома и роскошные дворцы теперь открыты не только для высшей знати и различных пиршеств, но и для бедного сословия и становятся местом богослужений. Представители высшего русского общества России, став искренними последователями Иисуса Христа, начинают с особой любовью проявлять заботу по отношению к бедным слоям населения. Они создают различные мастерские, открывают прачечные для бедных, столовые для студентов и рабочих, приюты для бездомных.

В Послании к евреям апостол Павел советует, чтобы мы поминали наставников, проповедующих слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражали вере их. Мы верим, что свидетельство Софьи Павловны Ливен никого из читателей не оставит равнодушным. Да сделает Господь эту книгу благословением для христиан и укрепит их веру в пробуждение русского народа. Мы знаем, что Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же, и история духовного пробуждения в России может повториться и в наше время!

*Луничкин П. А.,
директор миссии «Свет на Востоке» в России,
председатель оргкомитета фестиваля
«Крещенские вечера»*